

[Polaris]

ПЛЕННИКИ

ЗЕМЛИ

Тунгусские тайны
Том II

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXIII

Salamandra P.V.V.

ПЛЕННИКИ ЗЕМЛИ

Тунгусские тайны
Том II

Salamandra P.V.V.

Пленники Земли: (Тунгусские тайны. Том II). Сост. и комм. М. Фоменко. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 95 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXIII).

Двухтомник «Тунгусские тайны» объединяет ранние научно-фантастические произведения, посвященные загадке Тунгусского метеорита.

Во второй том издания вошла фантастическая повесть М. Семенова «Пленники Земли» (1937), где автор, впервые в советской фантастике, описал Тунгусский метеорит как корабль инопланетных пришельцев. Издание также включает классический рассказ А. Казанцева «Взрыв» (1946), положивший начало «тунгусскому буму» фантастических рассказов, повестей и романов, и полемизирующий с Казанцевым рассказ Б. Ляпунова «Из глубины Вселенной» (1950).

© Authors, 2014

© М. Fomenko, состав, комментарии, 2014

© Salamandra P.V.V., оформление, 2014

РАЙОН ПАДЕНИЯ ТУНГУССКОГО МЕТЕОРИТА

(ПО Е.А. КРИНОВУ)

ЛЕБЕДИНОЕ
ОЗЕРО (ЧЕКО)

КОТАЛОВИНА

ЮЖНОЕ БОЛОТО

ХРЕБТ ХЛАДНОГО

ХРЕБТ ВЕРНАДСКОГО

ШАКРАМА

МАКИРТА

ХРЕБТ БУРКАН
МЕСТО СТОЯНКИ
ЭВЕНКОВ

ХРЕБТ ПЕТРИК

ДОРОГА НА
ФАКТОРИЮ
«СТРЕЛКА»

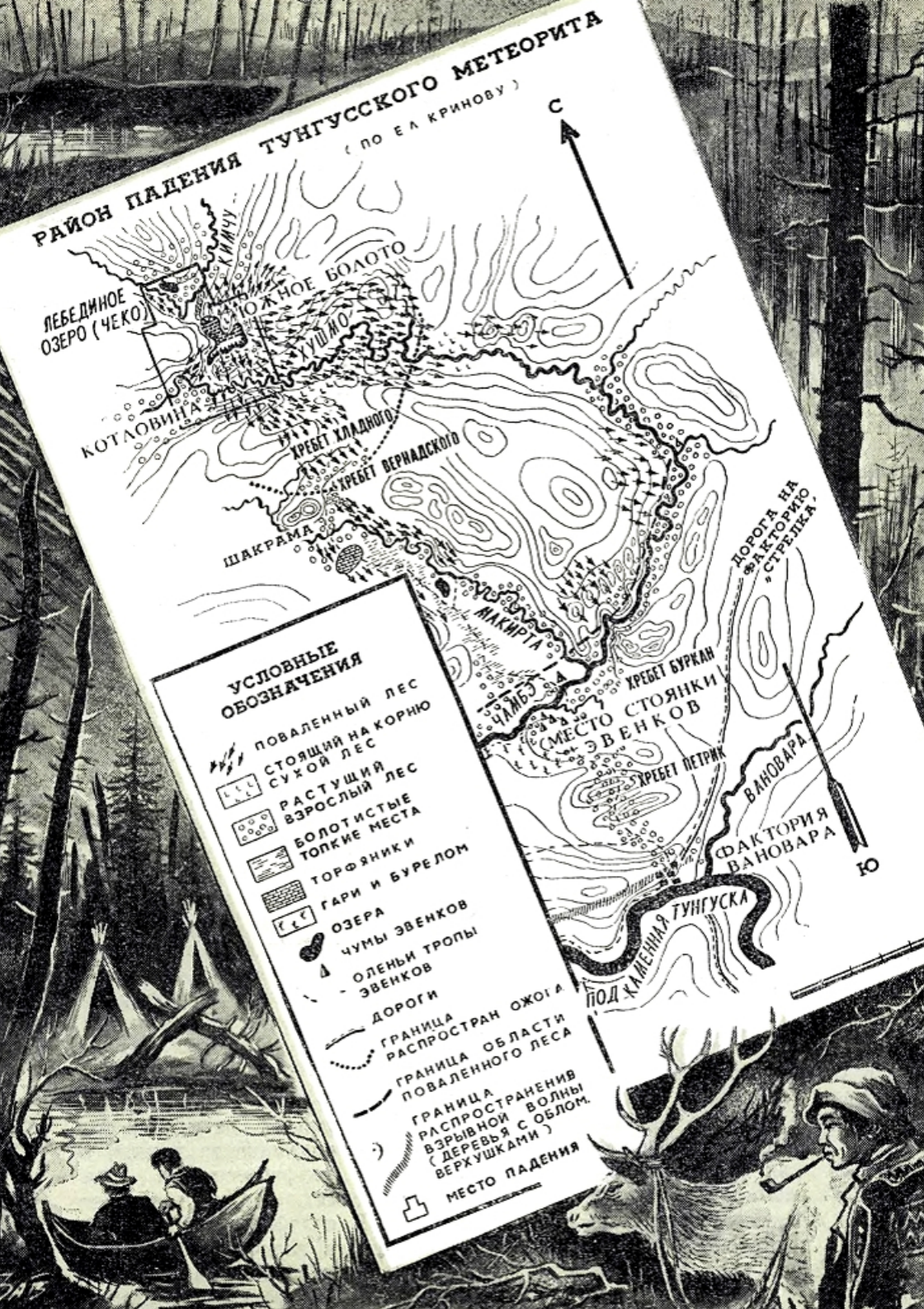
ВАНОВАРА

ФАКТОРИЯ
ВАНОВАРА

ПОД КАМЕНЬЮ ТУНГУСКА

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- ПОВАЛЕННЫЙ ЛЕС
- СТОЯЩИЙ НА КОРНЯХ СУХОЙ ЛЕС
- РАСТУЩИЙ ЛЕС
- БОЛОТИСТЫЕ МЕСТА
- ТОРФЯНИКИ
- ГАРИ И БУРЕЛОМ
- ОЗЕРА
- ЧУМЫ ЭВЕНКОВ
- ОЛЕНЬИ ТРОПЫ ЭВЕНКОВ
- ДОРОГИ
- ГРАНИЦА РАСПРОСТРАН ОЖОГА
- ГРАНИЦА РАСПРОСТРАН ПОВАЛЕННОГО ЛЕСА
- ГРАНИЦА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВЗРЫВНОЙ ВОЛНЫ (ДЕРЕВЬЯ С ОБЛОМ. ВЕРХУШКАМИ)
- МЕСТО ПАДЕНИЯ

ПЛЕННИКИ ЗЕМЛИ

Мануил Семенов

ПЛЕННИКИ ЗЕМЛИ

Фантастическая повесть

Рис. Е. Шукаева

Тунгусское «диво»... Нет ничего удивительного в том, что это, до конца не разгаданное, явление пользуется популярностью у читателей. Очень уж заманчива мысль об инопланетном корабле, будто бы прилетевшем на Землю в далеком 1908 году!

Основоположником столь привлекательной версии принято считать А. П. Казанцева, опубликовавшего в 1946 году в журнале «Вокруг света» рассказ «Взрыв». Но, оказывается, есть у этой гипотезы другое, более раннее начало.

В 1937 году в сталинградской комсомольской газете «Молодой ленинец» печаталась с продолжением фантастическая повесть «Пленники Земли». Написал ее сотрудник газеты М. Г. Семенов, ныне писатель-сатирик, редактор журнала «Крокодил».

Вдохновленный научным подвигом Л. А. Кулика, предпринявшего ряд экспедиций к месту падения Тунгусского метеорита, молодой журналист положил в основу повести собственную догадку о происхождении «дива», почти на десятилетие опередив тем самым А. П. Казанцева.

Вероятно, описания в «Пленниках Земли» космической и другой техники могут показаться современному читателю устаревшими. И в то же время интересно, как все это представлялось отцам наших нынешних читателей в те годы.

Повесть публикуется с сокращениями.

Пролог

Величава и грозна природа Сибири. Куда ни глянешь — всюду вековые леса, топи да горные хребты. Молчаливо стоят могучие лиственницы и сосны, не шелохнутся стройные ели, и только осины пугливо шепчутся о чем-то. В сумрачных урочищах залег лютый зверь. Нет тут прохода ни конному, ни пешему. Тайга!

Дики и пустынны берега речушки Чамбе. Только кое-где можно встретить убогое жилье охотника-эвенка. И потом опять на сотни километров жуткая тишина.

Волею случая этому глухому месту суждено было стать ареной события, потрясшего все человечество. Случилось это 30 июня 1908 года.

...Стояла тихая и ясная сибирская ночь. Мерцали далекие звезды. Поднявшийся было с вечера северный ветер к полуночи совершенно затих. Ничто не нарушало ночного покоя.

Вдруг в западной части неба сверкнула светлая точка. В мгновение ока она превратилась в огненный шар, который, с каждой секундой увеличиваясь в размерах; быстро несясь к земле.

И тут произошло что-то неопишное. Казалось, небесное чудовище, коснувшись верхушек деревьев, выдохнуло стремительную волну раскаленного воздуха. Лес, как скошенный, повалился наземь. Огненный смерч настиг оленьи стада, на десятки километров кругом разметал охотничьи зимовки. Далеко по тайге разнесся оглушительный гром, перекатываясь по отрогам гор.

Но скоро затихло отдаленное эхо, и в тайге снова все пошло своим чередом.

Странный пассажир

Летом 193... года скорым поездом Москва–Красноярск ехала на восток веселая компания. Душой ее был добродушный седовласый профессор, которого все величали Владимиром Ивановичем. Его окружала группа молодежи — две девушки и трое молодых людей.

Говорил профессор:

— Не думайте, дорогие друзья, что все обойдется без борьбы. Всем нам придется воевать. И знайте, война эта так же будет не похожа на прошлую мировую, как эта последняя — на войны Александра Македонского. Нам придется сражаться с хитрым и сильным врагом.

— Вы правы, профессор! — воскликнул Кочетов, щеголевато одетый человек лет тридцати, читавший в углу купе иностранный журнал и до сих пор не принимавший участия в общей беседе.

Все с любопытством повернулись к нему.

— Вот эта статья, которую я только что прочел, как раз содержит оценку их хитрости и силы. Но что они пишут! Проповедуют, что будущее — за «людьми ума».

Ну, с этим, пожалуй, можно было бы согласиться — дураков вроде бы с каждым днем становится меньше.

Все рассмеялись.

— Но как они понимают этих «людей ума»? — продолжал Кочетов, размахивая журналом. — По их мнению, это кучка людей из высшей интеллигенции — профессора, инженеры, которые, изобретя лучи смерти и прочую чепуху, покорят мир. «Люди ума» станут единственным правящим классом... Так могут мыслить только фашиствующие интеллигенты! Мир движется к иным целям и другими путями.

— Правильно, — сказал один из молодых слушателей. — Но разве вы будете отрицать, что научные лаборатории этих маньяков работают полным ходом? Кто знает, что пре-

поднесут нам эти господа? Они не только сильны, но, в известном смысле, и умны...

Лязгнули буфера остановившегося поезда, и разговор прекратился. Мимо раскрытых дверей купе торопливо прошел новый пассажир, в плаще, в шляпе, плотно надвинутой на лоб, с небольшим саквояжем и свежей газетой в руках, очевидно, только что купленной.

Станция была, видимо, небольшой, и вот уже заверещал свисток дежурного, поезд двинулся дальше. Спор в купе не возобновлялся. Вечерело. Девушки ушли к себе, в соседнее купе, Владимир Иванович, размяв папиросу, отправился курить в тамбур, а Кочетов вновь уткнулся в журнал.

Пассажир в шляпе, устроившись в соседнем купе, не спеша перелистывал газету.

Взгляд его равнодушно скользил по статьям об обмене партбилетов, спектаклях Камерного театра, о взмете зяби и собирателях фольклора. Гораздо дольше задержался незнакомец на материалах международного отдела. Он просмотрел все телеграммы с фронтов Испании, познакомился с последними речами английских министров и даже прочел довольно большую статью, анализировавшую политику Соединенных Штатов в испанском вопросе.

Суровое лицо незнакомца, с черными, нависшими над впадинами глаз бровями, сохраняло какую-то каменную бесстрастность.

Но от этой бесстрастности не осталось и следа, когда, просматривая четвертую страницу газеты, незнакомец наткнулся на заголовок: «В тайгу на самолетах». И стал читать:

«Как известно, в июне 1908 года в Сибири упал небывалых размеров небесный камень. Поиски метеорита, предпринимавшиеся до сих пор, не принесли никаких результатов.

По предложению известного профессора В. И. Блюмкина Академией наук снаряжена новая экспедиция, которая обследует бассейн реки Чамбе с помощью самолетов.

Экспедиция под руководством В. И. Блюмкина, состоящая из научных сотрудников и студентов-выпускников Ле-

нинградского государственного университета, уже выехала в Красноярск, где к ней присоединятся летчики с самолетами».

Порывистым движением пассажир швырнул газету на пол и, схватив саквояж, выскочил в тамбур. К его счастью, поезд замедлил ход, преодолевая подъем, и незнакомец, спустившись на подножку вагона и выждав удобный момент, ловко спрыгнул на насыпь. Отряхнувшись, он посмотрел вслед красному огоньку последнего вагона и торопливо углубился в лес.

Если бы пассажиры скорого поезда могли последовать за своим спутником, они стали бы свидетелями необычайной картины. Достигнув чащи, незнакомец торопливо сбросил с себя плащ и остался в гладком кожаном костюме. Из саквояжа он извлек кожаный шлем со стеклянной маской, надел его на голову. Затем прикрепил к плечам странный аппарат с небольшим пропеллером. На руках незнакомца появились перчатки, напоминающие ласты... Раздалось глухое жужжание, и необыкновенный пассажир, подобно библейскому ангелу, вознесся в небо. Не прошло и минуты, как его фигура растаяла в вечерних сумерках. Брошенный второпях, под деревом одиноко чернел пустой саквояж, да на кустах качались обрывки веревки.

На фактории Лесной

В Красноярск экспедиция прибыла в полдень. На вокзале приехавших никто не встретил, и поэтому им пришлось, руководствуясь указаниями прохожих и постовых милиционеров, самим разыскивать крайисполком.

Председатель исполкома, худощавый седой человек, принял гостей весело, радушно, пригласил их сесть, а секретаршу, пожилую женщину в белоснежном переднике, по-

просил принести чай и печенье. Завязалась оживленная беседа.

Выслушав рассказ профессора о целях и задачах экспедиции, председатель подошел к огромной карте края.

— Район, в котором вам предстоит работать, — заговорил он хрипловатым голосом, — изучен плохо. Вы видите, как расположены у нас населенные места, — только на юге. Область же Подкаменной Тунгуски, — он обвел на карте обширный участок, — совершенно дикая. Старожилы уверяют, что там были когда-то богатейшие охотничьи угодья, но по неизвестным причинам зверь покинул их, а следом ушло и население.

На весь этот большой район есть только одна фактория, которую и придется, очевидно, избрать базой вашей экспедиции.

— Как мы доберемся до фактории? — спросил Владимир Иванович.

— На пароходе.

— А люди, с которыми нам придется встретиться на фактории? Кто они? — вставил вопрос Михаил Санин, невысокий, но крепкого сложения юноша с пытливым выражением не улыбочивых серых глаз.

— Извольте, — охотно отозвался председатель. — Заведует факторией Иванов, проверенный и надежный коммунист. Товароведом — Антон Тропот, прекрасный работник, он в тех местах около пяти лет. Вот и все население фактории, которая, кстати сказать, носит название Лесной. А отчего — я думаю, понятно и без пояснений.

— Вы нам ничего не сказали о летчиках и самолетах, — вспомнил Кочетов.

— Самолетов у вас будет два. Летчиков мы назначили опытных, хорошо знакомых с местными условиями. Они вылетят на базу через несколько дней, как только подготовят гидросамолеты.

На этом беседа закончилась. Сделав необходимые покупки, экспедиция погрузилась на маленький пароходик «Байкал» и к вечеру покинула Красноярск.

Через три дня, продрогшие от лившего всю дорогу холодного дождя, путешественники высадились у фактории Лесной. Дул сильный ветер, дождь не унимался. Тайга гудела.

Навстречу путешественникам вышли заведующий и товаровед. Начались рукопожатия, приветствия, расспросы.

Владимир Иванович поспешил сократить эти неизбежные церемонии и, официально представившись заведующему, попросил его поскорее разместить людей.

— Да, да, конечно! — заторопился Иванов. — Я попрошу всех вас пока зайти ко мне. А вы, Антон Сергеевич, — обратился он к товароведу, — приготовьте, пожалуйста, дом, в котором в прошлом году жила геологическая партия.

— Уж как-нибудь, — флегматично отозвался товаровед и ушел.

Если бы кто-либо из членов экспедиции внимательно присмотрелся к этому чернобровому широкоплечему мужчине в охотничьем костюме, он безошибочно угадал бы в нем того пассажира, который покинул скорый поезд Москва–Красноярск столь странным способом. Но, во-первых, при встрече в полуосвещенном вагоне никто из веселой компании не разглядел пассажира как следует, а во-вторых, никому и в голову не могла прийти мысль о том, что элегантно одетый гражданин из скорого и товаровед в поношенном охотничьем костюме — одно и то же лицо. Да и вообще наши путники в этот момент были далеки от каких бы то ни было размышлений.

Трехдневное путешествие на неудобном пароходике давало себя знать, и всем хотелось скорее поесть чего-нибудь горячего и отоспаться.

Тайга на замке

Утро выдалось розовым, ясным, умытым по-праздничному. От вчерашнего ненастья не осталось и следа. Дали были ясны и широки.

Хорошая погода привела всех в восторг. Угнетенного настроения, навеянного туманами, холодным ветром и дождем, как не бывало.

Лена Седых и Наташа Русакова, проснувшись раньше всех, начали шумно и весело устраивать коллективное жилье.

Дом, предоставленный участникам экспедиции, состоял из трех комнат — двух маленьких и одной большой. Девушки решили в комнате, обращенной окнами к югу, поселить Владимира Ивановича, другую заняли сами, а большую отвели остальным.

Теперь нужно было расставить кровати, столы, стулья, соорудить умывальник, вешалку. Товаровед фактории деятельно помогал девушкам, сам вставил разбитое стекло и вообще безропотно выполнял любое требование молодых хозяек. К концу дня он уже был для Лены и Наташи вполне «своим» человеком.

Тем временем Владимир Иванович, Кочетов, Санин и смуглолицый Костя Нормеаев, оставив в помощь девушкам радиста Леву Переплетчика, отправились в первую разведку. Шли узенькой тропой, проложенной, очевидно, охотниками. Впереди шагал Михаил Санин; по праву отличного стрелка он нес английский винчестер.

Неожиданно тропинка, до этого вилившая по долине, резко побежала в гору.

Владимира Ивановича начала донимать одышка.

Михаил и Костя ушли далеко вперед. То и дело на гребнях камней показывались их фигуры и скрывались вновь. Подъем становился все круче.

— Ша-ба-аш!.. — раздался вдруг голос Кости Нормеаева. Взобравшись на сосну, юноша махал оттуда рукой.

— В чем дело? — закричали ему профессор и Кочетов.

— Ид-ти не-ку-да-а! — нараспев ответил Костя.

Тропа, по которой путники прошли уже километров десять, обрывалась у высокой отвесной скалы. Кочетов и Санин углубились в чащу в надежде обнаружить продолжение тропинки. Но напрасно они продирались сквозь колючий кустарник: впереди не было и намека на тропу. Делать было нечего — пришлось возвращаться.

На следующий день разведка была повторена. Теперь уже экспедиция шла другой тропой, в северном направлении. Снова до полудня шли хорошо. Тропинка вела путников в глубь тайги. Все были веселы. Девушки, которые на этот раз тоже участвовали в походе, начали подшучивать над Михаилом и Костей.

— Эх, вы, следопыты! Завели вчера всех в тупик. Уж лучше бы не брались.

— Я не Фенимор Купер, — отшучивался Норманов. — Это он умел водить своих героев по лесным чащам. А у нас, в Калмыкии, куда ни взглянешь — кругом степь, куда ни поедешь — везде дорога!

— Да и тут троп не мало! — крикнул шедший впереди Кочетов. — Смотрите!

И действительно, тропинка расходилась в разные стороны. Пришлось разделить на группы. Условились через два часа собраться опять на этом месте...

Владимир Иванович с Кочетовым, Лена с Наташей вернулись ни с чем — пути дальше не было. Стали ждать Норманова и Санина. Прошло около часа. Наконец за деревьями показался Костя, за ним — Михаил. Но в каком виде! Без кепок, с поцарапанными лицами, в грязи.

Ребята сообщили неутешительную весть. Тропинка, по которой они шли, исчезла совершенно неожиданно. Решив во что бы то ни стало найти ее продолжение, они облазили все вокруг в радиусе добрых двух километров. Несколько раз попадали в какое-то болото и, будучи не в силах пробиться сквозь чащу, отступили.

Усталые и недовольные, возвращались путники домой. У всех на душе лежало тяжелое раздумье. Сумеют ли они

здесь сделать что-нибудь? Оправдают ли доверие Академии и университета?

Когда ехали, думалось, что дело пойдет легко и быстро. Но тайга оказалась закрытой на прочный замок.

Всех смущало какое-то таинственное исчезновение таежных троп. Кто проложил их?

Почему они пропадают совершенно неожиданно?

Новая загадка

Безрадостные дни переживала фактория. Снова и снова уходили в поиск участники экспедиции. И всякий раз их попытки проникнуть в глубь тайги ни к чему не приводили.

Владимир Иванович подолгу просиживал над картами, десятки раз перечитывал скудную литературу о сибирском метеорите, а по утрам, взобравшись на вышку, часами разглядывал окрестность в полевой бинокль.

И все-таки вылазки в тайгу проводились ежедневно. Теперь в них участвовали только Кочетов, Нормаев и Санин. Доцент Кочетов, неутомимый и деятельный, внушал ребятам бодрые мысли. Рано утром он поднимал Костю и Михаила и, наскоро позавтракав, уходил с ними в тайгу. До поздней ночи бродили они, силясь пробиться вглубь. Еле заметные тропы заводили их в непролазные чащи, в топи, в непреодолимые ущелья и там пропадали. Путешественники часто по несколько часов кружили на одном месте; обнаружив это, вконец изможденные, они покидали коварную тропу.

Несколько раз пытались идти напрямик, сквозь заросли. Но тайга есть тайга.

Сотрудники фактории с большим сочувствием относились к неудачам экспедиции.

Иванов несколько раз порывался пойти с разведчиками, но трезвый и рассудительный товаровед все время его останавливал: приближался сентябрь, нужно было готовиться к началу охотничьего сезона. Сам Тропот, который, по свидетельству заведующего факторией, изредка ходил на охоту и, очевидно, должен был знать окрестности, уже десятый день жаловался на зубную боль и, естественно, ничем экспедиции помочь не мог. Он, правда, подавал советы, но что объяснишь новичкам, впервые попавшим в тайгу.

Все эти дни Лева Переплетчик колдовал над радиопередатчиком. Несмотря на все усилия, он никак не мог установить связь с Красноярском. А это сейчас было просто необходимо: самолеты почему-то не прибыли до сих пор.

Наконец, однажды в полдень в дом, где разместилась экспедиция, вбежал взволнованный Лева и закричал во все горло:

— Владимир Иванович, ребята! Красноярск заговорил!

Все мигом собрались у радиоаппарата. Лева звонко кричал в микрофон:

— Алло! Алло! Говорит фактория Лесная! У микрофона профессор Блюмкин и члены экспедиции. Отвечайте, слышите ли вы меня? Перехожу на прием!

— Красноярск вас слушает...

Просветлевший Владимир Иванович шагнул к микрофону и торопливо заговорил:

— Говорит Блюмкин. Почему до сих пор не вылетели самолеты? Работа наша может сорваться. Мы провели несколько разведок, но без результата. Без самолета мы не выполним задание.

Красноярск отвечал:

— Самолеты были задержаны для выполнения срочного задания. Сегодня утром к вам вылетел гидроплан, пилотируемый летчиком Махоткиным. Завтра на другой машине вылетает пилот Бабочкин.

И тут же, как бы подтверждая сообщение из Красноярска, в воздухе показался гидроплан. Он сделал круг над факторией и, развернувшись, пошел на посадку. Все

бросились к берегу. Лева, сматывая шнур, кричал в микрофон:

— Говорит радист Переpletчик! Самолет, посланный вами, садится на реку! Горячее спасибо от всей экспедиции! Передачу прекращаю...

На другой день состоялась первая воздушная разведка. Так как самолет был двухместный, то с пилотом полетел один Владимир Иванович.

Вздымая каскады брызг, гидросамолет взлетел над рекой и стал набирать высоту.

На запад и юго-запад от фактории виднелись одинокие становища оленеводов-эвенков, у дымящихся чумов паслись олени стада. В северном и северо-восточном направлениях, куда неоднократно стремилась проникнуть экспедиция, тянулись сплошные леса. Здесь нигде не было видно ни малейших признаков человеческого жилья.

— Пойдем в этом направлении! — махнув рукой на северо-восток, прокричал Владимир Иванович летчику. — Будьте внимательны!

Местность тут напоминала гигантскую воронку, окруженную с запада грядами гор. В глубине долины курилась непонятная дымка.

— Что за черт, мерещится мне, что ли? — пробормотал Махоткин, протирая очки и пристально всматриваясь вперед.

— Профессор, смотрите прямо перед собой, — проговорил он в трубку телефона. — Что вы там видите?

— Вижу туман, хотя это и невероятно, — удивленно отвечал профессор. — Ведь солнце-то печет всю. Откуда же быть туману?

Махоткин пожал плечами и прибавил газу.

Прыжок в неизвестность

На следующий день прибыл второй самолет, и теперь на разведку вместе с Блюмкиным смог вылететь и Кочетов. Оставшиеся молча провожали глазами две точки, медленно таявшие в небе.

Туман, обнаруженный вчера в долине, не только не рассеялся, а стал еще плотнее, гуще. Видимо, он держался над землей на высоте не более двухсот метров.

Самолеты, снизившись, стали медленно кружить над пеленой тумана в надежде найти хотя бы небольшой просвет. Но увы — безуспешно. Туман лежал густой, плотной массой.

— Попробуем еще снизиться, — предложил Владимир Иванович Махоткину.

Самолет словно нырнул в молоко. Летчик тронул руль высоты, и машина выскочила из тумана. Лететь в этой мгле было опасно.

Вечером, когда все собрались за ужином, состоялось обсуждение итогов полета, и Кочетов предложил отказаться от наблюдений с воздуха.

— Пусть летчики доставят меня в зону тумана, — заявил он, — и я прыгну с парашютом.

В комнате наступило молчание. Прыгнуть в туман, в неизведанную таежную чашу? Не приведет ли этот прыжок лишь к ненужной жертве?

— Захватчу с собой продуктов, оружие и побольше аммонала, — продолжал Кочетов. — Предварительно обследовав местность, произведу небольшой взрыв. После этого сигнала кто-то должен будет спуститься ко мне.

Взвесив все «за» и «против», профессор вынужден был принять этот план. Ведь надо же было что-то делать.

Ранним утром Кочетов, тепло простившись со всеми и выслушав последние указания Махоткина, сел в кабину. Летчик дал газ, и самолет заскользил по реке.

Потянулось время томительного ожидания. На вышке непрерывно дежурили, ожидая условного сигнала.

Но наступило утро следующего дня, а Кочетов не подавал никаких признаков жизни.

Тайга молчала.

Одно за другим возникали и тут же отвергались самые разнообразные предположения.

Только в одном все сходились. Кочетов жив, но ему необходима срочная помощь.

Как же можно было помочь Кочетову? Отправиться на розыски пешком нечего было и думать — тайга непроходима. Искать на самолетах вообще не имело смысла: сверху ничего, кроме тумана, не увидеть. Оставалось одно: не дожидаясь условленного взрыва, прыгнуть к Кочетову с парашютом. Первыми вызвались летчики. После обеда они пришли к Владимиру Ивановичу.

— Нужно разыскать Кочетова, — заявил молчаливый Махоткин. — Разрешите прыгнуть мне или Бабочкину.

Профессор ничего не успел ответить: вмешались Костя, Михаил и Лева.

— Последовать за Кочетовым должен кто-нибудь из нас, — настаивали они. — Нельзя оставлять самолеты без пилотов!

Владимир Иванович встал.

— Вы правы, — согласился он. — Нужно помочь Кочетову и выяснить, что же там творится, в этой проклятой долине. По всей вероятности, лучше всего это удастся сделать... — он обвел глазами всех присутствующих, — мне, дорогие друзья!

Такой оборот несказанно поразил всех. В комнате поднялся невообразимый шум. Но профессор был непреклонен.

— Я твердо решил стать парашютистом, когда-то даже прыгал с вышки, — пошутил он, когда шум поутих. — Поэтому не пытайтесь меня разубеждать! На время моего отсутствия начальником экспедиции остается Санин. Если через два дня мы с Кочетовым не вернемся, то немедленно

сообщите в Красноярск. Но я не думаю, чтобы это случилось... А обо мне не беспокойтесь.

Утро было безветренное.

Условились, что Махоткин выбросит Владимира Ивановича в том же месте, что и Кочетова. Поэтому летчик в полете все время поглядывал на часы и компас.

Альтиметр показывал высоту 900 метров. «Пора», — решил, наконец, Махоткин и передал по телефону:

— Приготовьтесь к прыжку.

Владимир Иванович не без труда выбрался на крыло. Самолет пошел на снижение.

Владимир Иванович посмотрел вниз и ничего не увидел. Тогда он поправил лямки парашюта и бросил пристальный взгляд на летчика. Тот указал ему пальцем на кольцо и махнул рукой.

— Пошел! — по движению его губ прочел Владимир Иванович и соскользнул вниз.

Ощущение невесомости в первое мгновение затмило все остальное. Владимир Иванович рванул кольцо, заранее зажатое в руке. Шелк с мягким шелестом скользнул из-за спины. Профессора сильно дернуло, швырнуло куда-то в сторону, и в следующий миг Владимир Иванович почувствовал себя сидящим в гигантских качелях. Он поднял голову и увидел над собою разноцветный купол парашюта. А выше кружил самолет Махоткина.

Внезапно все вокруг окутал сырой, влажный туман. Видимость исчезла. «Опуститься на согнутые ноги и сейчас же свалиться на бок», — вспомнил профессор наставления пилота. Сотрясая воздух, где-то рядом раздался взрыв. «Это, наверное, Кочетов», — успел еще подумать Владимир Иванович, ударяясь о что-то твердое.

«Нуждаемся в помощи...»

Взрыв был услышан на фактории.

Костя Нормаев потребовал немедленно отправиться в тайгу. Кочетов и профессор, без сомнения, уже нашли друг друга и направляются в сторону фактории. Задача оставшихся — выйти им навстречу.

С этим предложением все согласились. Выступать решили на рассвете. Сигнал к подъему должна была дать Наташа: она всегда просыпалась раньше всех.

И действительно, только блеснули лучи солнца, как она уже была на ногах. Наташа решила вначале разбудить Тропота. Еще с вечера они уговорились приготовить на дорожку хороший, сытный завтрак. Дверь в дом Тропота была открыта. «Неужели он проснулся раньше меня?» — подумала Наташа и по скрипящим доскам взбежала на крыльцо.

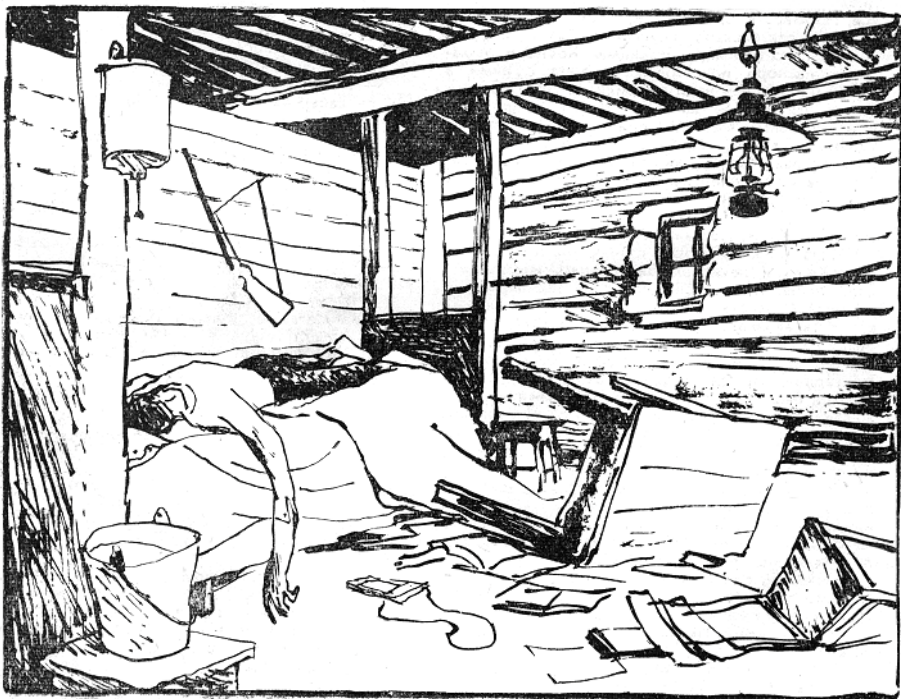
— Можно? — спросила Наташа, остановившись у открытой двери. Никто не отвечал.

Тогда она шагнула через порог и остановилась как вкопанная.

Тропот лежал мертвый на развороченной кровати. Кругом были видны следы борьбы: опрокинутый стол, разбросанные книги, поломанный стул. Наташа откинула одеяло, закрывавшее голову убитого, и дико вскрикнула. Лицо Тропота было изуродовано до неузнаваемости.

Наташа опрометью бросилась назад и растолкала спящих. Те, пораженные ее перекошенным от ужаса лицом, торопливо выскакивали наружу. Скоро все население фа-

ктории собралось у домика Тропота. Недоставало только Иванова. Заведующий факторией бесследно исчез.

Подавленные происшедшим, люди сходились к утреннему столу. Есть никому не хотелось. Облик Тропота стоял у всех в глазах. Кому понадобилась жизнь этого незаметного человека? Почему убийца так зверски изуродовал его? Куда скрылся Иванов? Эти вопросы задавал себе каждый и... не находил ответа.

Санин подошел к письменному столу, вынул из ящика бумагу и стал что-то писать.

Скоро он подал Лева два листа и угрюмо проговорил:

— Передай это в Красноярск.

Но Лева отрицательно качнул головой и грустно сообщил:

— Радиоаппаратура кем-то сломана.

— Так, — проговорил Санин, и губы его упрямо сжались. — Товарищ Бабочкин, — обратился он к летчику, — немедленно вылетайте в Красноярск. Это письмо передадите в исполком.

Бабочкин бережно сложил листки, спрятал в боковой карман и, надевая на ходу шлем, вышел.

Неожиданная встреча

Владимир Иванович пришел в себя в низком сыром помещении, походившем на обычный подвал. У самого потолка, почти не давая света, еле теплилась оплывшая свеча.

Понемногу Владимир Иванович привык к царившему тут полумраку и осмотрелся.

Подвал, очевидно, был выбит прямо в скале и кое-где обшит досками. Внутри он был совершенно пуст, если не считать какой-то темной кучи в дальнем углу. Владимир Иванович приблизился и увидел человека, уткнувшегося

лицом в ладони. Профессор тронул человека за плечо, и тот с трудом повернулся к свету.

— Кочетов! — вырвалось у Владимира Ивановича.

— Профессор! Как вы сюда попали?

— Так же, очевидно, как и вы, — ответил профессор.

— Они били вас? — с участием спросил Кочетов.

— Но кто это — «они»?

— Шайка авантюристов, — с негодованием произнес Кочетов. — Едва я достиг земли, они скрутили меня и бросили в этот подвал. Потом, когда узнали, кто я такой, пытались обратить в свою «веру». Я, конечно, наговорил грубостей. Избили...

— Но кто же произвел взрыв? — спросил профессор.

— А вы его слышали? — оживился Кочетов.

— Да, но слишком поздно!

— Значит, не все среди них мерзавцы! — с жаром сказал Кочетов. — В этой компании есть один русский. Он здесь, как мне показалось, не по доброй воле. Когда он однажды принес мне пищу, я украдкой от часового попросил его произвести взрыв, предупредив, что от этого зависит моя жизнь. Он вышел, ничего не ответив. И вот...

Кочетов не договорил: дверь с грохотом распахнулась, и в подвал втокнули нового пленника. От сильного толчка он пролетел через все помещение и с глухим стоном ударился о стену. Владимир Иванович и Кочетов бросились к нему.

Подтащив незнакомца ближе к свету, они стали приводить его в чувство. Кочетов принес из угла банку с водой и тщательно обмыл залитое кровью лицо.

— Владимир Иванович! — воскликнул Кочетов. — Да это наш друг, о котором я вам только что рассказывал.

Незнакомец глубоко вздохнул и открыл глаза.

— Ох, изуродовали, идола, — с усилием пошевелив рукой, проговорил он. — Дайте напиток.

Разглядев Блюмкина, настороженно спросил:

— Откуда вы? Кто вы?

— Мы из Москвы, — ответил Владимир Иванович.

При этих словах незнакомец поднялся. Лицо его ожи-
вилось, он схватил Владимира Ивановича за руку и хотел
что-то сказать, но тут же со стоном повалился на пол.

Тщетно Владимир Иванович и Кочетов пытались при-
вести его в чувство, прикладывая мокрые тряпки ко лбу.
Незнакомец в бреду срывал повязки. Несколько раз он пы-
тался встать и бежать куда-то.

Принесли пищу. Профессор хотел заговорить с часовым,
но тот грубо оттолкнул его и молча вышел.

Наступила ночь. Ученые, прижавшись друг к другу, тос-
кливо размышляли о своей участи. Трудно было предпо-
ложить, что их ждет впереди. Что за люди, у которых они в
плену? Что они делают тут, в советской Сибири? Чем при-
влек их этот дикий и суровый край? И главное — как выр-
ваться из плена?

Единственной надеждой был этот незнакомый рус-
ский. Он один мог помочь во всем.

А тот метался по убогому ложу, поминутно что-то вы-
крикивая, — то подавая команду, то с кем-то споря и ру-
гаясь.

К утру утомление взяло свое, и он затих. Уснули и Вла-
димир Иванович с Кочетовым.

Крепкий сон сделал то, чего не могли сделать примоч-
ки. Наутро незнакомец очнулся и попросил пить. Кочетов
с радостью напоил его и стал осторожно кормить оставши-
мся с вечера хлебом и консервами.

Когда банка с консервами опустела, незнакомец опять
попросил пить.

— Расскажите нам о себе и об этих... — произнес Влади-
мир Иванович, указывая на дверь.

Незнакомец судорожными глотками отпил воду, лег по-
удобней и закрыл глаза, собираясь с мыслями.

Рассказ незнакомца

— Зовут меня Иван Жук, — начал свой рассказ незнакомец. — Я сибирский партизан из отряда Антонова. Это имя вам, конечно, незнакомо, ведь наш отряд погиб весь, до последнего человека. В живых я остался один. Вот как это произошло.

Колчаковцы направили против нас японский «союзнический» отряд. Он насчитывал четыреста солдат, тогда как у нас вместе с ранеными и больными было чуть больше сотни.

Не вступая в затяжные бои, мы стали быстро отходить на северо-запад, в надежде натолкнуться на селение эвенков.

Противник почувствовал нашу слабость и шел по пятам. Каждый день у нас выбывало два-три бойца. Были съедены остатки сухарей, мало осталось патронов. Стало ясно, что мы погибаем.

Однажды в тайге мы наткнулись на огромный вывал леса, и, что удивительно, деревья, вырванные с корнем, лежали в одном направлении. По такому странному бурелому мы отступали еще полдня, пока не наткнулись на гигантскую воронку.

Здесь мы и решили дать последний бой. Рассыпавшись по краю, мы приготовились встретить врага. Но вдруг самый младший из нас, разведчик Никитка, спустившийся в глубь впадины, закричал:

— Ребята, смотрите, что за диковинная штука!

Мы обернулись на его крик и разинули рты: внизу лежал громадных размеров металлический снаряд. Кое-кто из нас бросился было к диковинному снаряду, но в это время раздались неприятельские выстрелы, и Антонов, командир отряда, дал команду приготовиться к бою.

Впадина сослужила нам большую службу. Притаившись за поваленными деревьями, мы были почти неуязвимы, тогда как спускавшийся с пригорка неприятель представлял

собой прекрасную мишень. Получив отпор, японцы залегли и начали планомерную осаду. Один за другим гибли наши бойцы. Оставшиеся в живых сгрудились в тесную кучку и поделили поровну патроны. Их пришлось на каждого по шесть штук. Только у меня, как у пулеметчика, осталась половина ленты. Мы попрощались друг с другом и стали ждать последнего часа.

Неприятель, догадавшись, что патроны у нас на исходе, пошел в атаку. Я открыл огонь. Японцы тоже начали яростный обстрел. Одна пуля сорвала с меня шапку, другая угодила в плечо. И вот замолчал пулемет: все!

Цепь солдат с торжествующим ревом приближалась ко мне. Теряя сознание, я выхватил из-за пояса гранату, сбросил кольцо и, сунув гранату за пазуху, упал к пулемету.

Очнулся я на другой день со связанными за спиной руками. Граната, которую я хранил на протяжении всего похода, подвела меня и не сработала...

С тех пор я безвыходно здесь. Как пленного меня приставили к пяти японцам. В отряде был сын одного японского ученого, и я слышал, что именно он настоял на том, чтобы здесь, у таинственного снаряда, оставалась их небольшая группа... Чем занимался я? Кормил и обслуживал их. Дважды пробовал бежать, но за мною зорко следили... Потом неведомо какими путями начали прибывать сюда японцы. Причем, военные и ученые. А меня по-прежнему держали, как собаку...

Эти люди ведут здесь какие-то работы. То место, где лежит снаряд, обнесено высокой и прочной оградой, туда допускается только несколько лиц. Что там творится — неизвестно.

Бандитам разными путями удалось переправить из-за границы до семидесяти человек — теперь тут целый лагерь. Жилища устроены в пещерах.

Не знаю, с какой целью заварена вся эта каша. Но для меня ясно, что они замышляют какую-то пакость. И пакость эта, наверное, довольно крупная...

В логове врагов

Наутро пленников разбудил грохот отпираемой двери. В подвал вошли два японских солдата, одетые в грязные полушубки. За поясами у них болтались маузеры. Солдаты молча подошли к Владимиру Ивановичу, завязали ему глаза и куда-то повели.

Повязку с глаз профессора сняли в просторной светлой комнате. Прямо перед ним за столом сидел тучный человек в полувоенной форме. Рядом стояли еще двое военных, одетых в английского покроя костюмы, сидевшие на них мешковато и неуклюже.

Как только конвоиры вышли, жирное лицо человека за столом расплылось в приветливой улыбке.

— Ах, профессор, простите нас за причиненное беспокойство! Прошу вас, садитесь, — он указал на стул.

— Кто вы такие? — сухо осведомился профессор, продолжая стоять. — И на каком основании задержаны я и мой товарищ?

— О, я сейчас же распоряжусь, чтобы вас освободили, если... если вы согласитесь помочь нам! — воскликнул толстяк.

— Я ученый и советский гражданин. Что вы от нас хотите?

— Благоразумия! — лицо толстяка выразило неудовольствие. Он грузно поднялся из-за стола. — Не будьте так неразумны, как ваш сумасшедший коллега! Вы в нашей власти.

— Что это все значит?

— Я имею в виду Великий межнациональный союз, представителями которого мы являемся! — Толстяк указал взглядом на военных. Те церемонно поклонились.

— Нам хорошо известно ваше имя, — продолжал толстяк. — Мы обращаемся к вам за помощью, ибо испытываем острую нужду в людях, подобных вам. Здесь, вдали от цивилизованного мира...

— Оставьте этот разговор, — прервал Владимир Иванович. — Я вам не помощник.

— Вы хотите стать бессмысленной жертвой? — искренне удивился толстяк. — Но правительства наших государств по-должному оценят ваши заслуги! Вы ученый и должны служить науке!

— Наука? — медленно произнес профессор. — Иногда бывает полезнее не жить, а умереть. Люди науки не раз оказывались перед таким выбором.

Военные быстро заговорили на неизвестном Владимиру Ивановичу языке. Толстяк стукнул кулаком по столу:

— Хорошо, идиот, мы убьем тебя! Но прежде подумай хорошенько! Мы ведем здесь громадной важности работы. Ваша экспедиция помешала нам. Несмотря на это, работа будет закончена. Учтите, что смерть ваша не принесет большевикам никакой пользы.

Мы требуем от вас немного: вернуться к своим и немедленно вывести экспедицию из тайги. Вы должны заявить, что никакого метеорита не обнаружили и что искать его бесполезно. Ваш ассистент останется

заложником. Если вы предадите нас, он будет немедленно убит. Если же вы предоставите нам возможность спокойно закончить работу, мы его отпустим. Пока же вы скажете, что он разбился при прыжке и что вы его похоронили в тайге... Ответ дадите утром.

Владимир Иванович мучительно думал, пытаясь найти выход из создавшегося положения. Он прекрасно пони-

мал, что помощь непременно прибудет в самое ближайшее время. Нельзя ли пока оттянуть с ответом и заодно попытаться кое-что выведать?

— Скажите, — обратился он к толстяку, — а где гарантии, что моему другу действительно будет сохранена жизнь? И потом, я хочу знать хотя бы некоторые подробности вашего предприятия. Если оно таит угрозу для моих соотечественников, то я, конечно, с вашими условиями никогда не соглашусь.

— О, что вы, профессор! — обрадованно заговорил толстяк. — Мы же не варвары. Обо всем этом с вами поговорит ваш коллега мистер Джонс, наш научный консультант. — С этими словами толстяк нажал кнопку звонка.

Прошло несколько минут. За стеной послышались быстрые шаги и в комнату вошел Тропот.

Владимир Иванович едва не вскрикнул от неожиданности. Но он не ошибся — это был Тропот. «Товаровед» торопливо пошел навстречу Владимиру Ивановичу, приготовившись к рукопожатию. Профессор резко убрал руку за спину...

В таинственной долине

Бабочкин вернулся из Красноярска и привез следователя. Тот тщательно осмотрел комнаты Тропота и Иванова, опросил всех и улетел обратно. На другой день покинули факторию девушки.

Погода испортилась. Моросил дождь, над тайгой нависли тяжелые тучи. Томясь вынужденным бездействием, Санин, Нормав и Переплетчик с нетерпением ждали вестей из Красноярска, где — они уже знали об этом — снаряжалась экспедиция из охотников для розыска профессора и Кочетова.

Наконец, однажды на рассвете студенты были разбужены тоненьким пароходным свистком. Когда они прибежали на берег реки, пароход уже причалил, и по мокрому трапу выходили таежные охотники с централками, с топорами и сумками. Лева Переплетчик насчитал двадцать шесть человек. Возглавлял экспедицию тот же чекист.

Охотники шумно разместились по комнатам, развели огонь, и скоро в большом закопченном котле весело забурлил чай.

Чекист и двое охотников-руководителей заперлись с Саниным в отдельной комнате и долго, вникая в мельчайшие подробности, расспрашивали о тропинках, о густоте зарослей, о болотах, о выносливости Владимира Ивановича и Кочетова, об их снаряжении...

Как только рассвело, был отдан приказ выступить.

Шли одной колонной, взяв направление на загадочную долину. Впереди двигались пять человек с топорами, расчищая дорогу остальным. Состав пятерки то и дело менялся. Иногда действовали все вместе: гатили преграждавшие путь топи.

Продвигались вперед медленно, но верно. К ночи прошли километров пятнадцать.

На другой день к полудню экспедиция достигла края долины и стала спускаться по склону. Лес здесь был разрежен, в низине курилась непонятная дымка.

— Сырость какая стоит кругом, — переговаривались охотники.

Между тем путь становился все труднее. Какая-то тяжесть давила на сердце, воздух был густым, влажным, неподвижным. Слезились глаза. Кружилась голова, все тело будто наливалось свинцом.

Люди стали терять сознание, падать. Наиболее сильные, с трудом передвигая ноги, брели дальше, но и они, запнувшись, в беспамятстве валились наземь. И вдруг впереди, за деревьями, замелькали фигуры людей в противогазах...

Вот уже третий день об экспедиции не было никаких вестей. И тогда были приняты решительные меры.

Самолеты над тайгой

Командарм Особой Дальневосточной находился в инспекторской поездке, когда ему вручили телеграмму из Хабаровска, сообщая, что на пять часов вечера его вызывает к прямому проводу Москва. Так как времени было уже около трех, то командарм оставил железную дорогу и пересел на самолет. Через час он уже был в Хабаровске.

Ровно в пять в кабинете командующего раздался звонок. Вызывали из Наркомата обороны.

Ах, вот в чем дело! Москву интересуют приключения экспедиции Блюмкина...

— С экспедицией творится что-то неладное. Не вмешаться ли вам в это дело? Попробуйте выяснить, кто это там орудует в тайге, срывая работу ученых.

Командарм мысленно выругал себя. Хотя экспедиция Академии наук была сугубо гражданской и работала, собственно, не на Дальнем Востоке, командарм все же считал большим упущением, что не заинтересовался ею. Работая на самом далеком рубеже страны, он давно уже научил себя не разделять непроходимой стеной дела гражданские и военные. Слишком часто сугубо штатские, казалось бы, дела перерастали здесь в военные, а события, происходящие, скажем, в Свердловской области, имели подчас прямое касательство к Хабаровску. Враг действовал не только атакой в лоб, но и обходом.

— Так как же насчет экспедиции Блюмкина? — продолжал спрашивать настойчивый голос.

— Что говорить, — торопливо отвечал командарм, — займемся, конечно, займемся.

...Раннее осеннее утро застало аэродром Н-ского авиаполка в необычайном оживлении.

На стартовой линии стояли тяжелые самолеты с заведенными для прогрева моторами. К командиру полка то и дело входили люди с последними сводками погоды, с картами, с рапортами. В восемь часов утра все приготовления были закончены, и у самолетов выстроилось двести парашютистов, вооруженных винтовками и ручными пулеметами, с противогазами через плечо. Командир полка внимательно оглядел строй и зачитал приказ о предстоящем авиарейде.

— По самолетам! — раздалась команда.

Гул пропеллеров, сотрясая воздух, густо плыл над землей. Стартер махнул флажком, и первая машина побежала по полю.

Распластав широкие крылья, самолеты шли на северо-запад. На исходе второго часа полета командиры экипажей приняли радиограмму с высланного вперед самолета-разведчика.

«Идите прежним курсом. Через час будет достигнута долина, окруженная горами с запада и востока. Вся долина в тумане. Высадку производить в квадрате 40—70, с высоты 800 метров, в противогазах».

Десант подготовился к высадке.

Подхваченные воздушными водоворотами, парашюты хлопали, как открываемые зонты.

Их белые купола появились в воздухе один за другим, и скоро небо словно украсилось ромашками.

Рев многокрылой эскадрильи вызвал в таежной колонии панику. Бандиты прятались, ожидая чуть ли не бомбардировки. Эта паника как нельзя лучше способствовала успеху операции.

Не прошло и полчаса, как из ворот ограды показался парламентар с белым платком в руке. За ним высыпала толпа человек в пятьдесят, одетая во что попало и имевшая весьма неприглядный вид.

Бандиты были быстро обезоружены, и десант разделся на три отряда. Один пустился в погоню за бежавши-

ми главарями, другой – освободить профессора и Кочетова, третий взял на себя охрану пленных.

Через два часа отряд, преследовавший беглецов, вернулся, приведя с собой одного из них, с чемоданом каких-то чертежей. Чемодан немедленно перешел в руки Владимира Ивановича.

Что за секрет так ревностно охраняли эти люди? Не связано ли это с метеоритом, над разгадкой тайны которого вот уже столько лет бьется наука? И, не теряя больше времени, Владимир Иванович и Кочетов в сопровождении десантников переступили порог таинственной ограды...

Посланец с Марса

Московский день клонился к концу. Каждый спешил закончить намеченные на день дела.

И вдруг ритмичная, чеканная трудовая жизнь столицы была нарушена. Случилось это около пяти часов вечера. Тысячи репродукторов на площадях, на улицах, в учреждениях, в квартирах громко оповестили:

— Слушайте, слушайте! На территории Красноярского края, в районе реки Чамбе, обнаружен корабль марсиан...

Люди застыли в ожидании, что голос из репродуктора сообщит еще что-то, разъясняющее небывалую новость. И действительно, репродуктор заговорил снова:

— Слушайте, слушайте! Только что получено сообщение из Красноярска о том, что в районе реки Чамбе найден космический корабль, посланный с Марса.

Этим летом в Сибирь была направлена экспедиция профессора В. И. Блюмкина для розыска гигантского метеорита, упавшего в 1908 году. Неизвестная шайка бандитов пыталась сорвать работу экспедиции. Принятыми мерами удалось бандитскую шайку ликвидировать. Выяснилось,

что она пробралась на территорию нашей страны по заданию некоторых зарубежных государств.

Вчера мы получили от профессора В. И. Блюмкина телеграмму сенсационного содержания. Оказывается, в 1908 году в Сибири упал не метеорит, как предполагалось до сих пор, а совершил посадку космический корабль марсиан. Как сообщает В. И. Блюмкин, межпланетный корабль, насколько можно было установить при беглом осмотре, находится в хорошем состоянии.

Три имени одного человека

В тайге научная работа шла полным ходом. Владимир Иванович и Кочетов уже которую ночь не смыкали глаз, занимаясь исследованием найденных приборов, роясь в документах.

Выяснилось, что Антон Тропот, он же Джонсон, он же Шнитке, руководил бандитской группой, в которой были ученые и инженеры. В задачу группы входило захватить марсианский корабль, тщательно изучить его устройство и овладеть техническими тайнами марсиан. Впоследствии предполагалось использовать ракетную технику Марса для создания сверхоружия в планируемой войне против Советского Союза.

Благодаря изощренной конспирации шайке удалось безнаказанно орудовать в пределах нашей страны в течение нескольких лет. Бандиты заканчивали приготовления к тайному вывозу всей технической документации и наиболее ценного оборудования, когда вмешательство экспедиции Блюмкина расстроило их планы.

Читатель помнит, что первая встреча Тропота с экспедицией произошла в поезде, после чего «товаровед» продолжил свое путешествие с помощью необычного летательного аппарата. Ученые тщательно исследовали его — на

складе в лагере обнаружилось несколько таких аппаратов. Выяснилось, что они завезены к нам с Марса и изготовлены из легкого металла, напоминающего алюминий. Питанием для этого аппарата служило совершенно неизвестное земным ученым горючее.

Тропот жил постоянно на фактории Лесной. Вся связь шайки с внешним миром велась только через него. Из фактории он обыкновенно уходил в тайгу километров на пять и уже оттуда совершал свои путешествия по воздуху с помощью летательного аппарата марсиан. Именно этим объяснялась загадочность таежных троп, обрывавшихся всегда совершенно неожиданно.

Когда экспедиция начала воздушные разведки, Тропот дал указание замаскировать лагерь искусственно созданным туманом. Тут дело также не обошлось без участия техники марсиан.

Тропот не брезговал ничем, чтобы замести следы своей деятельности. Это он убил заведующего факторией Иванова и зверски изуродовал его лицо, чтобы создать иллюзию собственной смерти. Он же не остановился перед тем, чтобы отравить газами экспедицию охотников. Это был страшный человек.

Когда высадился десант, Тропот и тут не растерялся. Удирая, он прихватил всю научную документацию. Правда, у пойманного десантниками члена шайки были также обнаружены различные схемы и чертежи, но... они оказались лишь фотокопией оригинала, который находился у Тропота. В любую минуту проходимец мог ускользнуть за границу с этой более чем ценной добычей.

Санин, Нормаев и Иван Жук — люди, хорошо знавшие Тропота в лицо, — ринулись в погоню за ловким и опасным авантюристом.

Уже несколько дней Санин жил в Н-ске, небольшом городке, находившемся неподалеку от границы. Михаил ходил по его малолюдным улицам, присматривался к прохожим, подолгу бывал на вокзале.

Санин равнодушно — без всякой надежды, скорее, по выработавшейся за эти дни привычке — наблюдал за людьми, сходящими с поездов, как вдруг его внимание привлекла странно знакомая фигура. Человек, одетый в хорошее пальто, мягкую шляпу, с саквояжем в руках шел по перрону, направляясь к буфету. Санин стал вспоминать, где он видел эти широкие плечи, немного согбенную фигуру и размеренную, чуть подрагивающую походку. Вдруг его осенило: Тропот!!! В два прыжка он нагнал человека и схватил его за плечо. Тот спокойно обернулся и холодно спросил:

— Что вам угодно?

На Санина смотрело незнакомое лицо, с черной козлиной бородкой. Извинившись, Санин поспешил скрыться в толпе.

А человек с бородкой спросил себе стакан нарзана, и буфетчица с удивлением заметила, как дрожал в его руках стакан.

Затем он вышел с вокзала и зашагал прочь.

...Как только Санин увидел опять этого человека на улице, то сразу же пошел за ним. Незнакомец окольным путем вернулся на станцию и стал пробираться по железнодорожным путям. Санин последовал за ним, прячась за вагонами.

Сейчас он стоял на пустыре, напротив заброшенного товарного вагона и, сдерживая дыхание, выжидал минуту. Затем рванул разошедшуюся дверь и прыгнул в вагон.

Прямо перед ним стоял Тропот и надевал стеганные крестьянские брюки. Санин бросил взгляд на пол, где ле-

жали борода, очки и маузер, и наставил на Тропота револьвер. Тот грязно выругался и поднял руки.

В плену у Земли

У Тропота нашли не только подлинники всей научной документации, но и некоторые приборы, снятые им с корабля марсиан. Особенно заинтересовал ученых небольшой металлический ящичек, внутри которого находился аппарат, напоминающий игрушечную пушку, и несколько цилиндриков из черного металла.

Тропот категорически отказался сообщить, каково назначение прибора. Но, может быть, он и сам не знал этого?

Решить задачу взялся Кочетов. И настал надолго запомнившийся вечер. Все население научного городка собралось в столовой.

— Дорогие друзья! — с волнением сказал Кочетов. — Сейчас марсиане сами расскажут нам о Марсе.

Все затаили дыхание. Кочетов поставил аппарат против небольшого экрана, вставил в «пушку» цилиндрик и нажал кнопку. Экран засветился.

...Огромное, величественное здание. Люди в красивых, удобных одеждах поднимались по широким лестницам. Вот рабочая комната — люди склонились над столами и чертят, высчитывают... Вот просторная лаборатория — около полусотни людей наблюдают за приборами, рассматривают что-то в микроскопы.

Экран переносит зрителей на улицу. Широкий проспект уходит далекой ровной лентой. Лишь изредка по колее, проложенной на середине улицы, бесшумно проносятся состав закрытых платформ с грузом, напоминающий наш земной поезд. На тротуарах видны немногочисленные пешеходы. Сейчас рабочее время, и все на своих местах, — ненужной беготни тут нет. Длительные путешествия совер-

шаются по воздуху: через каждые четыре квартала расположены станции, где любому марсианину по первому требованию выдается летательный аппарат и костюм.

Перед зрителями тянутся бескрайние поля. Воздух необыкновенно чист. Растительность пышная, но ее жизнь умело направляется рукою человека. Между участками проложены два пути — по ним взад и вперед снуют платформы с машинами для обработки полей, удобрениями, готовой продукцией...

Кочетов вставил в аппарат другой цилиндр, и новые картины пошли перед глазами зрителей.

Не видно цветущих полей, садов, окаймляющих реки и озера. Крутом, куда ни взглянешь, тянутся бескрайние просторы безжизненной пустыни. Все мертво крутом, дико и уныло. Бесконечные пространства проходят на экране, но глаз не видит ничего, кроме желтого песка да синего, без единого облачка неба.

Вот вдаль показались какие-то строения, они приближаются к зрителю... Это город, но город, умерший много столетий назад и представляющий из себя жалкие руины, печальные остатки величественных и красивых человеческих творений. Когда-то город омывала могучая река. Но сейчас о ней напоминает лишь обрывистый каньон, без единой капли влаги.

Что же произошло с Марсом? Что превратило цветущую планету в пустыню без растительности, без влаги, без жизни? Может быть, марсиане в чем-то просчитались, переделывая природу? Тут многое еще нужно понять. Но дыханием большой и сложной жизни пахло с экрана.

Огромные ледяные глыбы громоздятся одна на другую, образуя волшебные замки, искрящиеся на солнце воздушные арки, живописные заливы и бухты. Один за другим мелькают кадры, и зрители чувствуют, что аппарат уносит их к полюсу. Покрытые вечными снегами ледяные поля тянутся кругом насколько хватает глаз. Край вечного холода, вечного молчания.

На экране снова город, город совершенно иного типа. Одноэтажные сооружения. Крыши у них из толстого стек-

ла, стены массивны, выложены из камня. Распахиваются двери одного из домов, и зрители видят подъемную машину. Вот она опускается, перед глазами один за другим мелькают этажи. Ага, значит, эти здания подземные!

Кочетов обращает внимание зрителей на прибитые всюду белые таблички: у умывальников, в столовых, в ваннных комнатах – и переводит на табличках лишь два слова: «Берегите влагу!».

Забота о сохранении влаги стала на Марсе важнейшим делом и обязанностью каждого. Во всех школах и университетах главной была наука о влаге и способах ее сохранения. Большинство научных учреждений работало над решением этих же проблем. Разрабатывались способы химической очистки загрязненной воды, химические составы для гигиенических процедур, которые заменили бы обычные ванны, расходующие большое количество воды. Были разработаны многочисленные варианты обедов, завтраков и ужинов, не вызывающих жажды.

Но эти меры лишь отодвигали опасность, нависшую над марсианами.

Засуха наступала сурово и неумолимо. Населенная полоса у полярных океанов юга и севера делалась все уже и уже. И все чаще приходила людям неотступная мысль о том, что дальше так продолжаться не может, что необходимо избрать более действенный путь для сохранения жизни...

И вот на экране видны колоссальные залы Дворца Раздумья. Его ярусы заполняются людьми. Это — члены Единого Совета, лучшие и мудрейшие люди планеты. На возвышении установлен экран, около которого, занятый какими-то приготовлениями, движется человек. Видно, что люди собрались сюда для обсуждения очень важного и большого дела, что этот человек сейчас сообщит собравшимся о результатах продолжительных и настойчивых исследований.

Экран вспыхнул внутренним слабым светом, и все увидели ночное небо с бесчисленными мириадами мерцающих звезд. Одна из них понеслась навстречу залу, приблизилась, выросла.

Солнце...

Вокруг него одна за другой появились планеты. Меркурий, Венера, Земля... На Землю марсианин указал тонкой блестящей палочкой.

Как можно было догадаться, ученый докладывал о целесообразности и возможности переселения марсиан на эту планету. Он что-то говорил, показывая различные чертежи.

Новый цилиндрик, вставленный Кочетовым в аппарат, рассказал немного.

Зрители увидели картины звездного неба, удаляющийся Марс, все увеличивающуюся в своих размерах Землю.

На экране шли кадры, показывающие место приземления и сам корабль, опустошивший огнем своих двигателей огромный район тайги. Значит, посланцы с далекой планеты ступали по этой долине, они были тут! Что же произошло дальше? Волшебный аппарат был нем.

Вековая тайга оказалась скупой: раскрыв людям одну тайну, она навсегда похоронила другую...

Александр Казанцев

ВЗРЫВ

Рассказ-гипотеза

Рис. В. Лодягина

Картина далекого детства навсегда осталась в моей памяти. Высокие холмы обрываются к воде, как будто срезынные гигантским ножом. Широкая река делает крутой поворот. Берега — дикие, каменистые, угрюмые. Сразу за ними — вековая тайга.

Наша лодка поднимается по Верхней Тунгуске, как здесь зовут Ангару. На перекатах только я да рулевой остаемся в лодке. Все остальные, в том числе и отец, тянут бечеву. Сейчас перекат позади, и все сидят на веслах. Я устроился на носу и чувствую себя капитаном. Это гребная галера. Мы отважные корсары и идем открывать новые земли за океаном. Эй, кто там на марсе? Что за остров на горизонте? Плавающий остров? Свистать всех наверх!

Плоты один за другим показываются из-за темной, закрывающей полнеба скалы. Слышится блеяние.

Капитану понятно все. Это проклятые рабовладельцы ограбили туземцев, погрузили на плавающий остров их скот, далеко в трюмы спрятали закованных в цепи невольников.

Я понимаю, что именно сейчас нас ждет благородный морской подвиг. Смелее, корсары, вперед!

Тихое-тихое утро. Небо безоблачно. Где-то далеко глухо урчит пройденный вчера перекат.

Я проклиная всплески от наших весел. Ненавистные рабовладельцы ничего не должны заметить. Галера быстро приближается к плавучему острову. Ясно видны овцы и избушка на переднем плоту. Но я-то знаю, что это рубка рабовладельца-капитана. Вон он, бородатый, в синей рубашке, выходит и смотрит на небо. Потягивается, чешет спину, потом зеваает и крестит рот.

Тише, гребцы! Мы должны подойти к противнику незаметно и сразу ринуться на абордаж. Где-то слева шуршит белка на лиственнице. Если он оглянется... Тихо-тихо. Еле слышны всплески от весел.

И вдруг страшный удар. Я втягиваю голову в плечи. Я плачу, я забыл о корсарах. Плотовщик от неожиданности падает на колени. Рот у него открыт. Овцы блеют, шаркаются к самой воде. И тут — второй удар, более страшный. В избушке порывисто открывается дверь, но никто не показывается из нее. Слева, за тайгой, что-то сверкает, споря с солнцем.

— Держись! — еле доносится до меня голос отца.

Воздух — густой, тяжелый — толчком обрушивается на меня. Я хватаюсь за борт, кричу. Мне вторит испуганное, иступленное блеяние овец.

Я вижу, как овцы одна за другой падают в воду, словно их кто-то гигантской ладонью сметает с плота. По реке идет высокий вал. Вижу, как переламывается пустой уже плот. Бревна его встают торчком. Нашу лодку подбрасывает, словно на перекате. Я захлебываюсь и ловлю ртом воздух. Разжимаются пальцы, и, весь мокрый, я скатываюсь на дно. Там вода и пахнет рыбой. И сразу становится тихо-тихо...

Далекое воспоминание, страница из детского дневника. Вот она, затрепанная коричневая тетрадка, помеченная 1908 годом. В этом году, тридцать восемь лет назад, в двухстах пятидесяти километрах от места, где сметены были в

воду овцы с плотов, в тайгу упал страшный метеорит, о котором так много писали и рассказывали в Сибири.

Зачем понадобилась мне старая тетрадка? Почему завален мой стол статьями и книгами о тунгусском метеорите?

Полный полемического задора и дискуссионной злости, беру я лист бумаги. Да, я готов спорить!

Рассказ, пожалуй, лучше всего начать с того часа, когда утром 3 апреля 1945 года ко мне, в редакцию журнала, вошли два человека. Каждый из них положил на мой стол по объемистому конверту.

Тот, что поставил на пол большой чемодан, был гигантского роста. Он сильно сутулился; казалось, будто он что-то рассматривал на полу. У него были крупные, словно рубленые черты лица и сросшиеся лохматые брови, из-под которых мечтательно смотрели светло-голубые глаза.

Его спутник сидел на стуле прямо, не касаясь спинки. Он был строен, чуть узок в плечах. Роговые очки придавали его немного скуластому лицу выражение учености.

— В-в-вашему журналу, — начал гигант, заикаясь на букве «в», — несомненно интересен научный спор, который будет разрешен во время этнографической экспедиции Академии наук в район Подкаменной Тунгуски.

— Если научным спором можно назвать утверждение и отрицание бессмыслицы, — едко заметил человек в очках.

— Я просил бы в-в-вас, — свирепо обернулся к нему первый посетитель, — не прерывать меня. В-в-вот два конверта, — он уже говорил со мной, как бы не замечая своего противника, — здесь изложены две гипотезы по поводу странной этнографической загадки.

— Не познакомите ли вы меня с сутью спора? — попросил я.

— Знаете ли в-в-вы, что на севере Сибири, в-в-во-сточнее Енисея, живет народность эвенки? Люди нашего с вами возраста, — конечно, я не говорю о специалистах, — иногда неправильно именуют их тунгусами. Эвенки принадлежат к желтой расе и родственны манчжурам. Когда-то они были народом в-в-воинственных завоевателей, в-в-вторгшимся в Среднюю Азию. Однако они были в-в-вытеснены

оттуда якутами и, отступив на север, укрылись в непроходимых сибирских лесах. Правда, и якутам пришлось уступить завоеванную ими цветущую страну более сильным завоевателям — монголам — и тоже уйти в сибирские леса и тундры, где они стали соседями эвенков...

— Сергей Антонович настолько любит этнографию, что никогда не упускает случая пропагандировать эту науку, — прервал второй посетитель. — Я позволю себе формулировать его мысль: ни эвенки, ни якуты не являются коренными жителями Сибири.

Он говорил подчеркнуто серьезно, но чуть опущенные уголки губ придавали его рту выражение едва уловимой насмешливости.

— И докажу! В-в-вот! Не угодно ли в-в-взглянуть?

Сергей Антонович, кряхтя, согнулся, раскрыл свой огромный чемодан и, к величайшему моему изумлению, извлек оттуда какую-то пожелтевшую исполинскую кость. Он торжественно положил ее передо мной на стол, поверх рукописей.

— Что это? — невольно отодвинулся я.

— Берцовая кость коренных обитателей Сибири, — с пафосом возвестил Сергей Антонович, глядя на меня счастливыми прозрачными глазами.

— Коренных обитателей? — Я с ужасом попытался представить себе обладателей таких костей.

— Это берцовая кость слона, — рассеял мои предположения Сергей Антонович.

— В Сибири? Слоны? Может быть, мамонты? — усомнился я.

— Слоны! Эту кость нашел я. В-в-в прошлом году я исколесил таежные болота и гривы, лазал по неприступным сопкам в поисках кое-каких ископаемых и, представьте себе, наткнулся на 65-м градусе северной широты и 104-м градусе восточной долготы на «кладбище слонов». Плоскогогорье, как гигантским забором, было отгорожено хребтами со в-в-всех сторон. Жаркое сибирское солнце растопило слой в-в-вечной мерзлоты и... В-в-вот, закурите, — протянул он портсигар.

— Спасибо, не курю.

— Я сам отпилил заготовку для этого портсигара от настоящего слоновьего бивня — прямого, а не загнутого, как у мамонта. Три недели я не ел ничего, кроме «пучек». Это растения из семейства зонтичных, из которых куда лучше делать дудочки, чем съедобные блюда. Я оставил на «кладбище слонов» в-в-всю провизию, лишь бы донести эту кость и часть клыка.

— Надо заметить, что Сергей Антонович самоотверженно нагрузил на себя эти любопытные кости, помимо образцов найденной им ценной руды. Любитель-этнограф, любитель-палеонтолог, он, в добавление ко всему этому, еще и профессионал-геолог.

Гигант строго взглянул на своего спутника.

— Изучение обнаженных геологических слоев привело меня к заключению, что до последнего ледникового периода в-в-в Сибири был жаркий африканский климат. Там в-в-водились слоны, тигры...

— И, естественно, жили африканские негры, как готов утверждать наш почтенный ученый.

— Да, я уверен, что племя коренных доледниковых сибиряков существовало и, может быть, даже имеет потомков, доживших до нашего времени. В глуши сибирской тайги ходят легенды о неведомой чернокожей женщине...

— Есть красочное описание встречи с ней ангарца-зверобоя Кулешова, — сказал спутник Сергея Антоновича, снимая очки, чтобы протереть их платком. Прищурившись, он посмотрел поверх меня куда-то вдаль. — Благодаря любезной настойчивости Сергея Антоновича я выучил его назизусть. Представьте себе: рев, грохот и черные мокрые камни среди белой пены. Почти шаркая о нависшие с берегов скалы, меж камней скачет шитик — лодка с поднятыми бортами. Высоким носом шитик зарывается в пену. В нем стоит чернокожая женщина. На ней только набедренная повязка. По ветру трепещут, развеваются длинные рыжие волосы. Кулешов готов был поклясться, что она гигантского роста. Лица ее он не рассмотрел. Охотник говорил,

что она шаманит у стариков. Через пережат переправлялась она без одежды, вероятно, боясь в ней утонуть.

— Я утверждаю, что это последний потомок доледниковых сибиряков, — положил на стол свой огромный кулак Сергей Антонович. — В-в-в этой женщине сказалась отдаленнейшая наследственность!

— Вот любопытный образчик вывода, не основанного ни на каких посылах. Здравомыслящий человек вряд ли придет к такому заключению.

— Я посмотрю, как в-в-вы будете это отрицать там, на месте, — рассердился Сергей Антонович. — Я твердо решил

в-в-взять в-в-вас с собой, хоть в-в-вы и кабинетный физик, а экспедиция укомплектована. В-в-возьму, как своего противника, и не дам вам заниматься никакими электронами и нейтронами, пока в-в-вы не сдадитесь и не признаете моей гипотезы!

Физик улыбнулся.

— Мы просим вас вскрыть конверты, — обратился он ко мне, — и опубликовать ту гипотезу, о которой мы телеграфируем вам из Вановары, куда отправляется комплексная экспедиция Академии наук под начальством Сергея Антоновича.

— А мне телеграфно сообщите в-в-в В-в-вановару, какой глубокомысленный бред был запечатан в-в-в конверт этим почтенным, в-в-все отрицающим ученым, — пробурчал Сергей Антонович.

Мои враждующие посетители распрощались со мной и ушли. Я задумался, глядя на оставленные конверты. Какой странный повод заставил так спорить столь различных специалистов!

— Простите,—услышал я негромкий голос.

Подняв глаза, я увидел перед собой физика. На этот раз его глаза были серьезны, губы крепко сжаты.

— Я вернулся предупредить вас, что в моем конверте действительно изложена одна гипотеза, но она не имеет никакого отношения к чернокожей женщине, что безусловно поразило бы милейшего Сергея Антоновича, не допускающего отвлечения своей экспедиции посторонними вопросами.

— О чем же ваша гипотеза?—спросил я, заинтересованный. Дело становилось все более и более запутанным.

— О тунгусском метеорите.

— Который упал близ фактории Вановара в 1908 году?

— Который никогда не падал на землю.

Не падал на землю?! Перед моим мысленным взором прошли плоты с торчащими бревнами, овцы в воде, зарево над тайгой.

— Вы были на месте падения? — едва сдержался я.

— Специальной экспедиции туда нет, и я пользуюсь случайным расхождением во взглядах с Сергеем Антоновичем

в вопросе о его чернокожей, чтобы побывать в этом районе. Я хочу установить там некоторые детали и тогда пришлю вам телеграмму с просьбой вскрыть конверт. Вы поймете, что надо будет сделать.

Все это он говорил совершенно безапелляционно, с обезоруживающей убежденностью в тоне.

— У меня есть основания пока никому не сообщать о своей гипотезе. Сергея Антоновича я познакомлю с ней по прибытии на место, а то он еще, чего доброго, откажется взять меня с собой. А теперь прощайте!

Необычайный доверитель, протянув руку, назвал свою фамилию. Еще раз я был поражен в этот день. Передо мной стоял известный физик-теоретик.

Я смотрел на закрывшуюся за ним дверь, пытаюсь осознать все происшедшее. История с чернокожей как-то сама собой отодвинулась на второй план. Меня волновала совершенно новая мысль.

Метеорита не было?!

Ну нет, я не сдамся так скоро! О метеорите я готов поспорить. Я сам видел зарево катастрофы, и я испытал воздушную волну гигантского взрыва.

Решение было принято. Я опровергну гипотезу знаменитого физика, какова бы она ни была.

Я перерыл свои архивы. Все, что касалось тунгусского метеорита, когда-то специально интересовавшего меня, было извлечено. Вот запись из детского дневника. А вот выдержка из доклада профессора Кулика, сделанного им Академии наук в 1939 году:

«Факт падения тунгусского метеорита около 7 часов утра 30 июня 1908 года отмечен многочисленными наблюдателями... при ясном небе и тихой погоде... После падения болида на тайгу над ней взвился к небу «столб огня», а затем раздались три-четыре мощных удара, слышимых за тысячу километров. Воздушной волной в реках воду гнало «валом», людей и животных сбивало с ног, опрокидывало заборы, повреждало постройки, сотрясало дома, качало в них висячие предметы».

Как можно говорить, что метеорита не было, мой уважаемый друг? Или вы считаете заслуживающей доверия лишь свою проникновенную интуицию, а не показания многих тысяч людей?

Так вот вам объективные записи бесчувственных приборов.

Воздушная волна была дважды зарегистрирована в Лондоне, то есть обошла вокруг земного шара два раза. Сейсмические станции в Иркутске, Тбилиси, Ташкенте и Иене отметили земную волну с эпицентром в районе Подкаменной Тунгуски.

Что вы можете противопоставить этому, мой дорогой ученый физик? Воплощенную самонадеянность?

Я перебирал многочисленные свидетельства очевидцев:

«Огненный шар ярче солнца... огненный столб, видимый за сотни километров... черные клубы дыма, превратившиеся в тучу на безоблачном небе... стекла, лопнувшие на расстоянии 400 километров!»

Это показания корреспондентской сети Иркутской сейсмической станции. Ими нельзя пренебрегать.

Прочтем дальше: «разметало чумы...», «кончало оленей...», «ворочало лес...» — это эвенки.

«Пахнуло таким жаром, что будто рубашка загорелась...» — это рабочий в Вановаре. Даже близ Канска, за 800 километров от места падения, машинист, испугавшись грохота, остановил поезд.

Нет, мой почтенный, но легкомысленный оппонент, время, когда профессору Кулику приходилось доказывать факт падения тунгусского метеорита, прошло. С тех пор под руководством Кулика было проведено несколько экспедиций в район падения. Там были обнаружены следы поразительных разрушений: на площади в восемь тысяч квадратных километров вся тайга сплошь повалена. Вы сами увидите в районе гигантского бурелома, как стволы исполинских лиственниц лежат, показывая своими вывороченными корнями в одно место — в центр феноменальной катастрофы. Вы убедитесь, что в радиусе тридцати километров не устояло ни одно дерево, а в радиусе шестидесяти

километров деревья вырваны на всех возвышениях. Чтобы вызвать взрыв такой силы, нужны сотни тысяч тонн сильнейшего взрывчатого вещества.

Откуда могла появиться такая энергия? Я отвечу вам, мой дорогой ученый, как вы сами ответили бы школьнику. Метеорит, сохранивший свою космическую скорость, ударился о землю, а вся его кинетическая энергия мгновенно перешла в тепло, что равносильно взрыву.

Обращу ваше внимание, мой ученый противник, никогда не бывавший в районе тунгусской катастрофы, что для местных жителей падение метеорита не представлялось спорным. Старожилы уверяют, что к месту, где спустился с неба бог огня и грома — ослепительный Огды, не приближался ни один местный житель. Оно проклято шаманами. Лишь в первые дни после катастрофы эвенки ходили по бурелому, разыскивали обугленные туши своих оленей, погибшие лабазы с имуществом, видели фонтан воды, бивший три дня из-под земли. Пожалуй, лучше будет, мой, безусловно заслуживающий лучшей участи оппонент, если вы вместо гипотезы, отрицающей очевидное явление, придумаете объяснение этому запоздалому страху местных жителей.

И, наконец, последнее необъясненное явление, свидетельствующее о связи его с каким-то космическим событием.

Передо мной на столе лежит фотография, сделанная в Наровчате, Пензенской губернии, местным учителем. Снимок сделан ночью, через сутки после падения метеорита в Сибири. А вот ссылка на находившегося той ночью в Ташкентской обсерватории, ныне здравствующего академика Фесенкова, тщетно ждавшего темноты для начала своих наблюдений.

После падения метеорита во всем районе, от бассейна реки Енисея до Атлантического океана, даже в Средней Азии и на Черном море, стояли белые ночи, позволявшие читать в полночь. На высоте 83 километров были замечены светящиеся серебристые облака неизвестного происхождения.

Вот вам задача, тщетно жаждущий лавров, дорогой мой оппонент. Объясните связь этого явления с упавшим метеоритом, а не компрометируйте себя спором по поводу установленного факта падения болида.

Словом, я был заражен полемическим азартом, и язвительная блестящая статья, громившая неизвестную мне антиметеоритную гипотезу, была уже в моей чернильнице. Мне не терпелось знать содержание переданного мне конверта.

Но нетерпение мое, равно как и полемический азарт, было подвергнуто большому испытанию.

С 3 апреля по 14 августа 1945 года я не получал от своих доверителей никаких известий.

Сообщение о пресловутой атомной бомбе, сброшенной на Японию, отвлекло меня от всяких мыслей о физике, геологе-этнографе и об их гипотезах. Но внезапно полученная телеграмма представила мне все в новом, неожиданном свете.

«Сравните сейсмические данные сотрясений 30 июня 1908 года и второго американского подарка. Ищу негритянку».

Сомнений быть не могло. Мой физик имеет в виду атомную бомбу, о которой услышал по радио.

Не скрою, я пережил ощущение, будто меня ударили туго набитым мешком по голове.

С волнением принялся я изучать подробности взрыва опытной бомбы в штате Нью-Мексико, когда с места испарившейся стальной башни к небу поднялся огненный столб, видимый за многие десятки километров.

С пристальным вниманием читал я описания взрывов бомб в Хиросиме и Нагасаки, где ослепительный огненный шар газов, раскаленных до температуры в двадцать миллионов градусов, взвился вверх, оставив за собой столб пламени, который прожег облака и расплылся по небу гигантским грибом черного дыма.

Руки у меня дрожали, когда я сравнивал эти подробности с так тщательно подготовленными мной для дискуссии описаниями взрыва в тунгусской тайге.

Чтобы проверить себя, я побывал в Академии наук, в Комитете по метеоритам и получил дополнительный материал о «тунгусском падении». Там же я узнал о гибели профессора Кулика.

Замечательный русский ученый в первые же дни Отечественной войны добровольно встал на защиту родины с такой же верой в победу, какой удивлял мир при розысках тунгусского метеорита.

Как жаль, что этот выдающийся ученый не смог завершить свои исследования сопоставлением сейсмических записей падения метеорита и атомного взрыва!

Это сопоставление с помощью Института Академии наук удалось сделать мне.

Характерной особенностью сейсмических записей тунгусского сотрясения была регистрация двух толчков с тем большим расстоянием во времени друг от друга, чем дальше от места взрыва отстояла сейсмическая станция. Второй толчок в районе регистрирующей станции вызывался воздушной волной, распространявшейся от места взрыва с меньшей скоростью, чем волны земной коры.

Анализ показаний сейсмографов, отметивших атомный взрыв в Нагасаки, с поражающей точностью воспроизвел картину записей 30 июня 1908 года.

Неужели же в 1908 году мы имели дело с первым атомным взрывом на земле?

Передо мной лежал конверт, скрывавший мысли русского теоретика-физика, гениально угадавшего атомную реакцию в тунгусской катастрофе. Я едва мог побороть раздражение против ученого, разыскивающего в тайге какую-то рыжую негритянку вместо опубликования своих идей.

Я считал колебания излишними и вскрыл конверт.

Меня ждал сюрприз, оправдавший мои действия. Кроме гипотезы об атомном взрыве тунгусского метеорита, там был теоретический доклад молодого ученого о проблеме использования атомной энергии. Не будучи специалистом, я не смог полностью понять всех смелых мыслей, прогнозов и обобщений этого труда, который я немедленно

но отослал в Академию наук. Статью же, в которой была изложена метеоритная гипотеза, я направил в набор.

Я оказался прав в своих запоздалых догадках. Мой теоретик предвидел все.

Да, тунгусская катастрофа, во время которой взрывы были слышны за тысячу километров, катастрофа, вызвавшая небывалые разрушения и настоящее землетрясение, породившая ослепительный шар газов, раскаленных до температуры в десятки миллионов градусов, который превратился затем при стремительном взлете в огненный столб, видимый за 400 километров, — эта катастрофа могла быть только атомным взрывом.

Физик предполагал, что влетевший в земную атмосферу метеорит, вес которого он определял не в тысячи или сотни тысяч тонн, как прежде считали, а максимально в сто килограммов, был не железо-никелевым, как обычные металлические метеориты, а урановым, или состоял из еще более тяжелых трансурановых элементов, неизвестных на Земле.

Огромная температура, которую метеорит, пролетая через земную атмосферу, приобрел, была одним из условий, при которых стала возможной реакция атомного распада. Метеорит взорвался, выделив свою атомную энергию, так и не коснувшись земли. Все его вещество, в основной массе, мгновенно испарилось, а частично превратилось в энергию, равную энергии взрыва двухсот тысяч тонн взрывчатого вещества.

Вот почему не смог найти профессор Кулик каких-либо остатков метеорита или его воронки. В центре бурелома оказалось лишь болото, образовавшееся над слоем вечной мерзлоты.

Наконец и два последних загадочных момента тунгусской катастрофы объясняла гипотеза моего физика. Таинственные серебристые облака, освещавшие ночью землю, были остатками радиоактивного вещества метеорита, выброшенными силой взрыва до слоя Хевисайда. Радиоактивный распад их атомов вызывал свечение окружающего воздуха.

Суеверный страх эвенков, бродивших в первые дни после катастрофы по бурелому, вызван «гневом» бога огня и грома, ослепительного Огды. Все, кто побывал в проклятом месте, погибали от страшной и непонятной болезни, поражавшей язвами внутренние органы человека. Бедные эвенки оказались жертвами атомного распада мельчайших остатков вещества метеорита, рассыпанных в районе катастрофы.

Какими блестящими и тонкими казались теперь сообщения моего физика! Ведь именно с этим явлением столкнулись японцы в Нагасаки после взрыва атомной бомбы. Распад оставшихся атомов мог продолжаться в течение полтора-двух месяцев.

Очередной номер журнала со статьей физика был уже сверстан и направлен в типографию, когда я получил от него телеграмму из Вановары:

«Гипотеза неверна. Уничтожьте рукопись. Видел чернокожую. Возвращаюсь».

Я был вне себя от изумления. Теперь я снова не хотел верить физика. Постороннему человеку трудно было бы себе представить, до чего мне было жаль расстаться с гипотезой об атомном взрыве метеорита! Я не мог... не мог заставить себя позвонить в типографию. Хорошо еще, что я хоть доклад физика об атомной энергии отослал в Академию наук.

Но как же быть? Какие опровержения мог найти физик на месте катастрофы?

Принесли еще одну телеграмму — опять из Вановары. Трясущимися пальцами развернул я бланк:

«Последний отпрыск доледниковых чернокожих сибиряков найден. Публикуйте».

С недоумением разглядывал я телеграмму Сергея Антоновича. Какое же влияние могла оказать доледниковая негритянка на гипотезу атомного взрыва?

Наконец я сообразил, что все равно ничего понять не смогу. Мне казалось, что тут надо иметь воображение по меньшей мере помешанного.

Махнув рукой на все догадки, я вскрыл конверт Сергея Антоновича и стал прикидывать, сможет ли его статья заменить по объему другую, уже заверстанную в очередной номер журнала.

Я так увлекся этим профессиональным занятием, что не заметил, как дверь ко мне открылась и в комнату вошел бородатый человек в грязных сапогах, оставлявших следы на паркете. Расстегнув меховую куртку и сняв шапку-ушанку, он протянул мне руку, как старому знакомому.

Выжидательно смотря на незнакомца, я вежливо поздоровался и... вдруг сразу узнал его.

Борода! Отсутствующие очки! Однако как же мог он так скоро оказаться в Москве? Ведь я только что получил его телеграмму!

Я взял в руки телеграфный бланк и посмотрел на дату отправления: ну, конечно... задержка.

— Рукопись... — тяжело дыша, видимо от быстрой ходьбы, проговорил физик. — Я спешил с аэродрома...

— Журнал еще в типографии, — ответил я. — Но где же ваши очки?

Физик махнул рукой.

— Они разбились.

Молча он уселся в кресло, вытащил из кармана кисет, свернул загруbevшими коричневыми пальцами сигарку и достал кремень с трутом.

Я протянул ему электрическую зажигалку. Посетитель смущенно улыбнулся.

— Одичал, — односложно сказал он, прикуривая.

Мы сидели молча друг против друга. Я рассматривал моего преобразовавшегося ученого. Он казался теперь шире в плечах. Здоровый загар и окладистая курчавая борода делали его похожим на доброго молодца. Затягиваясь крепкой махоркой, он мечтательно смотрел в угол. По-видимому, мыслями он был далеко.

— Рассказывать? — односложно спросил он.

— Конечно же

— Вы знаете, — он посмотрел на меня и вдруг, близоруко прищурившись, превратился в уже знакомого мне тео-

ретика-физика. — До сих пор я никогда не спал в лесу, а болото видел только из окна вагона. Я не выносил комаров и поэтому избегал ездить на дачу. Ванну я принимал два раза в неделю, — он сбросил пепел на пол, потом усмехнулся и виновато посмотрел на меня. — Словом, одичал, — совсем непоследовательно добавил он.

Мы помолчали.

— Вас, вероятно, интересует, зачем же, собственно, я ездил на место тунгусской катастрофы, что там искал? Я начну с пейзажа тайги в месте бурелома. Представьте себе: в центре катастрофы, вокруг болота, прежде считавшегося основным кратером, где, казалось бы, действие взрыва было страшнее всего, лес остался на корню. Деревья, поваленные всюду в радиусе тридцати километров, там не лежат, а стоят. Из земли торчат огромные палки, между которыми уже порос молодняк... Это бывшие деревья, корни их давно мертвы, на них нет коры, она обгорела, обвалилась. Все ветви срезаны чудовищным вихрем, а на месте каждого сучка — уголек. Телеграфные столбы — вот на что похожат эти деревья. Они могли устоять только под вертикальным ураганом, под ураганом, упавшим сверху.

Мой посетитель сильно затынулся и с видимым наслаждением выпустил в потолок густой клуб дыма. Я не прерывал его молчанья.

— Именно эта картина и нужна была мне, — продолжал он, с видимым трудом отрываясь от своих мыслей. — Почему устоял этот мертвый лес? Только потому, что деревья в том месте были перпендикулярны к взрывной волне. А это могло быть лишь в том случае, если взрыв произошел над землей! Раскаленные до температуры в сотни тысяч градусов, газы, пролетев с огромной скоростью, срезали ветви, ожгли деревья и создали за собой разрежение. Холодный воздух, устремившийся следом, загасил пожар.

— Так, значит, взрыв все же произошел? — почти обрадовался я.

— Да, на высоте трехсот пятидесяти метров над землей. Я подсчитал эту высоту, исходя из размеров площади мерт-

вого леса, оставшегося на корню. Простая геометрическая задача.

— Никакого взрыва, кроме атомного, не могло произойти, если метеорит не коснулся земли. Теперь я готов защищать вашу гипотезу даже против вас самого! — с жаром воскликнул я.

— Это интересно, — сказал физик. — Научная дуэль? Защищайтесь!

И вот мы приступили к довольно странной дискуссии. Физик все-таки оказался моим оппонентом, но... мы поменялись с ним ролями.

— Отчего же мог произойти мгновенный взрыв метеорита? — спросил физик, затягиваясь махрой.

— Надо полагать, что он был из изотопа урана с атомным весом 235, способного к так называемой «цепной реакции».

— Правильно. Или изотоп урана, или еще более тяжелый радиоактивный металл плутоний, уже не встречающийся на земле, но искусственно создаваемый из урана. Теперь опишите картину цепной реакции, и вы сразу увидите слабость защищаемой вами гипотезы.

— Охотно вам отвечу. Если атомы изотопа урана бомбардировать нейтронами, электрически не заряженными элементарными частицами материи, то при попадании нейтрона ядро будет делиться на две части, высвобождая огромную энергию и выбрасывая, кроме того, три нейтрона, которые разбивают соседние атомы, в свою очередь выбрасывающие по три нейтрона. Вот вам картина непрерывной цепной реакции, которая не прекратится, пока все атомы урана не распадутся.

— Совершенно правильно. Но ответьте, что требуется для начала атомной реакции?

— Разбить первый атом, попасть нейтроном в первое ядро.

— Вот именно. Но здесь-то и кроется ловушка. Вы знаете, как далеко друг от друга расположены атомы? Расстояния между ними подобны расстояниям между планетами, если приравнять величину планет и атомных ядер. Попро-

буйте попасть несущейся кометой, какой можно себе представить нейтрон, в одну из планет — в ядро. Физики подсчитали, через какую толщу урана надо пропустить нейтрон, чтобы по теории вероятности он попал в атомное ядро. У некоторых получилось, что для начала цепной реакции так называемая критическая масса урана должна быть не менее 80 тонн.

— Неправда! Вы прибегаете к нечестным приемам. Так думали прежде. Но ведь я сам направил в Академию наук ваш собственный доклад. Вы забыли об этом? Вы доказали вздорность этого утверждения и подсчитали, что для начала атомной реакции достаточно, чтобы урана был только один килограмм.

— Согласен, — улыбнулся физик. — Вы бьете меня моим же оружием, но не разгадали еще моего коварства. Да, действительно, в полкилограмме урана цепная реакция под влиянием потока нейтронов начаться не может, в килограмме урана она начнется обязательно. Что же из этого следует? Как будто уже ясно, что падавший метеорит должен был иметь изотопа урана 235 не менее килограмма.

— Совершенно верно.

— Но, с другой стороны, нужны летящие нейтроны. Скажите мне, отчего же началась реакция? Откуда взялись потоки нейтронов?

— А космические лучи? В них ведь встречаются летящие нейтроны?

— Вы подготовлены, безусловно подготовлены, — усмехнулся физик. — Но ведь такой поток нейтронов существовал и за пределами атмосферы. Почему же метеорит не взорвался там?

— Решающую роль здесь должна играть скорость нейтронов. Ведь при большой скорости нейтроны могут не причинить ядру вреда, подобно пуле, пробивающей доску, но не роняющей ее.

— Замечательно верно, — ударил физик кулаком по столу. — Для начала цепной реакции летящие нейтроны надо притормозить.

— Если на изменение скорости нейтронов повлияла высокая температура, нагревание метеорита при прохождении им атмосферы...

— Попались! — закричал физик, вскакивая. — Вы разбиты, дорогой оппонент! Нам уже приходится делать допущения. «Если»! Никаких «если»! Я не знаю, как сделали американцы свою атомную бомбу, но мы с вами сейчас невольно разобрали весь ее «механизм». Да, самое трудное, что американцам пришлось сделать — это затормозить нейтроны. И в этом они вряд ли обошлись без тяжелой воды.

— Верно, американцы действительно применили тяжелую воду. Как, однако, вы были хорошо осведомлены, находясь в тайге!

— Я был осведомлен не в тайге, а до тайги. Я ведь теоретик. Теоретики должны видеть решение задачи за много лет вперед, за много лет до того, как она будет решена практиками, эмпириками. Так вот, в нашем с вами метеорите трудно себе представить наличие тормозящих элементов, включающихся в нужный момент. Ведь в американской атомной бомбе они были сделаны искусственно.

— Так что же вы искали в тунгусской тайге, если до отъезда туда знали, что атомного взрыва произойти не могло? — вскочил я, готовый броситься на физика, с такой убийственной холодностью опровергавшего самого себя.

— Я искал «то», что могло быть там до катастрофы. Для этого я с миноискателем в руках исходил немало километров, в кровь искушенный проклятым гнусом.

— С миноискателем?

Я уставился на физика и несколько мгновений молчал, соображая.

— Что же, найденное там изменило ваши взгляды? — почти закричал я. — Неужели вы подозреваете, что взрыв был подготовлен искусственно, что мы имели дело с атомной бомбой?

— Нет, — спокойно возразил физик. — Этот атомный взрыв не был вызван бомбой.

— Я сдаюсь. Я больше не могу. Значит, все неверно... Вы ничего не нашли?

— Да, в течение полутора месяцев пребывания в районе бурелома я не нашел ни метеоритного кратера, ни осколков метеорита или его следов, ни каких-либо металлических предметов, которые могли быть там до взрыва. Это и немудрено. Взрывом даже деревья вдавливало в торф на четыре метра. Но...

— Что «но»? Не мучайте... Рассказывайте, что же вы нашли?

— Не прерывайте. Я расскажу вам все по порядку.

— Я сдаюсь. Я уже не оппонент, но лишь слушатель. Разрешите только записывать.

— Как я уже вам сказал, поиски с миноискателем не дали мне ничего. Так как экспедиция только начинала работу, то я вынужден был после поисков в районе бурелома отправиться вместе с Сергеем Антоновичем, по нашему с ним уговору, разыскивать его дурацкую чернокожую женщину, жившую где-то в тайге. Конечно, я тогда не думал, что она сможет опровергнуть мою первоначальную гипотезу. Мы достали проводников-эвенков и верхом на их оленях двинулись в путь.

— Атомный взрыв и чернокожая! Какая связь? — простонал я.

— Вы обещали не прерывать.

— Но должна же быть у вас, ученых, логика. Ну, хорошо, молчу.

— Около двух месяцев гонялись мы без устали за последней из племени чернокожих сибиряков. Мы узнали, что она была жива и чуть ли не шаманила где-то. Мы добрались до нее, наконец, в стойбище, около местечка с удивительно звучным названием «Таимба», неожиданным и для русского и для эвенкийского языка. Привел нас туда эвенк Илья Потапович Лючеткан, когда-то служивший проводником профессору Кулику, несмотря на шаманские запреты. Это был глубокий старик с коричневым морщинистым лицом и настолько узенькими глазами, что они казались почти всегда закрытыми.

— Шаманша — непонятный человек, — говорил он, поглаживая голый подбородок. — Сорок или меньше лет назад она пришла в род Хурхангырь. Порченная была.

Мы знали, что порченными эвенки называют одинаково и контуженных и безумных.

— Говорить не могла, — продолжал Илья Потапович, — кричала. Много кричала. Ничего не помнила. Умела лечить. Одними глазами умела лечить. Стала шаманшей. Много лет ни с кем не говорила. Непонятный человек. Черный человек. Не наш человек, но шаман... шаман... Здесь еще много старых эвенков. Русского царя давно нет. Купца, что у эвенков мех отбирал, давно нет, а у них все еще шаман есть. Другие эвенки давно шамана прогнали. Учителя взяли. Лесную газету писать будем. А здесь все еще шаманша есть. Зачем ее смотреть? Лучше охотничью артель покажу. Так вам говорю, баё.

Сергей Антонович всячески допытывался, из какого рода сама шаманша, надеясь узнать ее родословную. Но удалось нам установить только то, что до появления ее в роде Хурхангырь о ней никто ничего не знал. Возможно, что языка и памяти она лишилась во время метеоритной катастрофы, по-видимому, окончательно не оправившись от этого и до наших дней.

Лючеткан говорил:

— Эвенков при царе заставили креститься, а они шаманов оставили, не хотели царя слушаться. Все черной гагаре, рыбе тайменю да медведю поклонялись. А теперь шаманов прогнали.

Он же рассказал нам, что у черной шаманши были свои странные обряды.

Она шаманила ранним утром, когда восходит утренняя звезда.

Лючеткан разбудил нас с Сергеем Антоновичем. Мы тихо встали и вышли из чума. Рассыпанные в небе звезды казались мне осколками какой-то атомной катастрофы вселенной.

В тайге нет опушек или полян. В тайге есть только болота.

Конический чум шаманши стоял у самой топи. Сплошная стена лиственниц отступала, и были видны более низкие звезды.

Лючеткан остановил нас.

— Здесь стоять надо, баё.

Мы видели, как из чума вышла высокая, статная фигура, а следом за ней три эвенкийские старушки, казавшиеся совсем маленькими по сравнению с шаманшей. Процессия гуськом двинулась по топкому болоту

— Бери шесты, баё. Провалишься — держать будет. Стороной пойдем, если смотреть хочешь и смеяться хочешь.

Словно канатоходцы, с шестами наперевес, шли мы по живому, вздыхающему под ногами болоту, а кочки справа и слева шевелились, будто готовые прыгнуть. Даже кусты и молодые деревья раскачивались, цеплялись за шесты и, казалось, старались заслонить путь.

Мы повернули за поросль молодняка и остановились. Над черной уступчатой линией леса, окруженная маленьким ореолом, сияла утренняя звезда.

Шаманша и ее спутницы стояли посередине болота с поднятыми руками. Потом я услышал низкую длинную ноту. И, словно в ответ ей, прозвучало далекое лесное эхо, повторившее ноту на какой-то многооктавной высоте. Потом эхо, звуча уже громче, продолжило странную, неясную мелодию. Я понял, что это пела она — шаманша.

Так начался этот непередаваемый дуэт голоса с лесным эхом, причем часто они звучали одновременно, сливаясь в непонятной, но околдовывающей гармонии.

Песня кончилась. Я не хотел, не мог двигаться.

— Это доисторическая песнь. Моя гипотеза о доледниковых людях в-в-верна, — восторженно прошептал Сергей Антонович.

Днем мы сидели в чуме шаманши. Нас привел туда Илья Иванович Хурхангырь, сморщенный старик без единого волоска на лице. Даже ресниц и бровей не было у лесного жителя, не знающего пыли.

На шаманше была сильно поношенная эвенкийская парка, украшенная цветными тряпочками и ленточками.

Глаза ее были скрыты надвинутой на лоб меховой шапкой, а нос и рот закутаны драной шалью, словно от мороза.

Мы сидели в темном чуме на полу, на вонючих шкурах.

— Зачем пришел? Больной? — спросила шаманша низким бархатным голосом. И я сразу вспомнил утреннюю песнь на болоте.

Подчиняясь безотчетному порыву, я пододвинулся к чернокожей шаманше и сказал ей:

— Слушай, баё шаманша. Ты слышала про Москву? Там много каменных чумов. Мы там построили большой шитик. Этот шитик летать может. Лучше птиц, до самых звезд летать может, — я показал рукой вверх. — Я вернусь в Москву, а потом полечу в этом шитике на небо. На утреннюю звезду полечу, которой ты песни поешь.

Шаманша наклонилась ко мне. Кажется, понимала.

— Полечу на шитике на небо, — горячо продолжал я. — Хочешь, возьму тебя с собой, на утреннюю звезду?

Шаманша смотрела на меня совсем синими испуганными глазами.

В чуме стояла мертвая тишина. Чье-то напряженно-внимательное лицо смотрело на меня из темноты. Вдруг я увидел, как шаманша стала медленно оседать, потом скорчилась и упала на шкуру. Вцепившись в нее зубами, она стала кататься по земле. Из ее горла вырывались клокочущие звуки — не то рыдания, не то непонятные, неведомые слова.

— Ай, баё, баё, — закричал тонким голосом старик Хурхангырь, — что наделал, баё!.. Нехорошо делал, баё. Очень плохо... Иди, скорей иди, баё, отсюда. Священный звезда, а ты говорил — плохо...

— Разве можно задевать их в-в-верования? Что в-в-вы наделали? — злобно шептал Сергей Антонович.

Мы поспешно вышли из чума. С непривычной быстротой бросился Лючеткан за оленями.

Я не знаю более миролюбивых, кротких людей, чем эвенкийские лесные охотники, но сейчас я не узнавал их. Мы уезжали из стойбища, провожаемые угрюмыми, враждебными взглядами.

— В-в-вы сорвали этнографическую экспедицию Академии наук, — с трудом выговорил Сергей Антонович, придерживая своего оленя, чтобы поравняться со мной.

— Гипотеза ваша не верна, — буркнул я и ударил каблуками своего рогатого коня.

Мы поссорились с Сергеем Антоновичем и все три дня, прошедшие в ожидании гидроплана из Красноярска, не разговаривали с ним ни разу.

Один только Лючеткан был доволен.

— Молодец, баё, — смеялся он, и глаза его превращались в две поперечные морщины на коричневом лице. — Хорошо показал, что шаманша только порченный человек. В эвенкийскую лесную газету писать буду. Пускай все лесные люди знают.

Странные мысли бродили у меня в голове. Прилетевший гидроплан от быстрого течения уже подрагивал на чалках. Уже шитик доставил меня к самолету, но я все не мог оторвать взгляда от противоположного берега Подкаменной Тунгуски.

За обрывистой, будто топором срезанной скалой река, как бы нехотя, поворачивала направо, туда... к местам атомной катастрофы. Но на противоположном берегу ничего нельзя было разглядеть, кроме раскачивающихся верхушек уже пожелтевших и покрытых ранним снегом лиственниц.

Вдруг я заметил над обрывом подпрыгивающую фигуру. Послышались выстрелы. Какой-то человек, а рядом с ним сохатый!

Эвенк на лосе!

Ни минуты не колеблясь, я сел в шитик, чтобы плыть на ту сторону. Неожиданно в лодку тяжело прыгнул грузный Сергей Антонович. Ангарец налег на весла. Эвенк перестал стрелять и стал спускаться к реке.

Шитик с разбегу почти наполовину выскочил на камни.

— Баё, баё! — закричал эвенк. — Скорей, баё! Времени бирда хок. Совсем нету. Шаманша помирает. Велела тебя привести. Что-то говорить хочет.

Впервые со времени нашей ссоры с Сергеем Антоновичем мы посмотрели друг на друга

Через минуту лось мчал нас по первому снегу, между обрывистым берегом и золотисто-серой стеной тайги.

Когда-то я слышал, что лоси бегают со скоростью восьмидесяти километров в час. Но ощущать это самому, судорожно держась за сани, чтобы не вылететь... Видеть проносящиеся, слитые в мутную стену пожелтевшие лиственницы... Щуриться от летящего в глаза снега... Нет, я не могу вам передать ощущения этой необыкновенной гонки по тайге! Эвенк неистовствовал. Он погонял сохатого диким криком и свистом. Комья снега били в лицо, словно была пурга. От ураганного ветра прихватывало то одну, то другую щеку.

Вот и стойбище. Я протираю запорошенные глаза. Очки разбиты во время дикой гонки.

Толпа эвенков ждет нас. Впереди старик Хурхангырь.

— Скорее, скорей, баё! Времени совсем мало! — По щекам его одна за другой катятся крупные слезы.

Бежим к чуму. Женщины расступаются перед нами.

В чуме светло. Трещат смолистые факелы. Посредине, на каком-то подобии стола или высокого ложа распростерто чье-то тело.

Невольно я вздрогнул и схватил Сергея Антоновича за руку. Окаменевшая в предсмертном величии, перед нами, почти не прикрытая, лежала прекрасная статуя, словно отлитая из чугуна. Незнакомые пропорции смолисто-черного лица были неожиданны и ни с чем не сравнимы. Да и сравнишь ли красоту скалы из дикого черного камня с величественной красотой греческого храма!

Мужественная энергия и затаенная горечь создали изгиб этих с болью сжатых женственных губ. В напряженном усилии поднялись у тонкой переносицы строгие брови. Станные выпуклости надбровных дуг делали застывшее лицо чужим, незнакомым, никогда не встречавшимся.

Рассыпанные по плечам волосы отливали одновременно и медью и серебром.

— Неужели умерла?

Сергей Антонович наклонился, стал слушать сердце.

— Не бьется, — испуганно сказал он.

Ресницы черной богини вздрогнули. Сергей Антонович отскочил.

— У нее сердце в-в-в правой стороне! — прошептал он.

Вокруг стояли склонившиеся старухи. Одна из них подошла к нам.

— Баё, она уже не будет говорить. Помирать будет. Передать велела. Лететь на утреннюю звезду будешь, обязательно с собой возьми...

Старушка заплакала.

Черная статуя лежала неподвижно, словно и в самом деле была отлита из чугуна.

Мы тихо вышли из чума. Надо было уезжать. Ледостав мог сковать реку, гидроплану — не подняться в воздух. Ну вот... и я здесь.

Физик кончил. Он встал и, видимо в волнении, прошелся по комнате.

— Она умерла? — нерешительно спросил я.

— Я вернусь, обязательно вернусь еще раз в тайгу, — сказал мой посетитель, — и может быть... увижу ее.

К его гипотезе об атомном взрыве метеорита мы уже дописали несколько фраз, когда в комнату вошел тоже обросший бородой Сергей Антонович.

— Опубликовали мою гипотезу о чернокожей? — спросил он, даже не здороваясь от волнения.

Вместо ответа я протянул ему страницу, на которой я начал писать под диктовку физика. Ошеломленный Сергей Антонович несколько минут сидел молча, не выпуская из рук бумажки. Потом встал, попросил у меня свою статью и методически разорвал ее на аккуратные мелкие кусочки.

Я еще раз перечитал добавление к гипотезе физика:

«Не исключена возможность, что взрыв произошел не в урановом метеорите, а в межпланетном корабле, использовавшем атомную энергию. Приземлившись в верховьях Подкаменной Тунгуски путешественники могли разойтись для обследования окружающей тайги, когда с их кораблем произошла какая-то авария. Подброшенный на высоту трехсот пятидесяти метров, он взорвался. При этом реакция постепенного выделения атомной энергии перешла в реакцию мгновенного распада урана или другого радиоактивного топлива, имевшегося на корабле в количестве, достаточном для его возвращения на неизвестную планету».

Борис Ляпунов

ИЗ ГЛУБИНЫ ВСЕЛЕННОЙ

Рис. Г. Балашова

Из глубины Вселенной

Полет подходит к концу

Уже много времени прошло с тех пор, как корабль покинул свою планету и взял курс на далекую звездочку.

Теперь это уже не звездочка. Солнце светит путешественникам. Все ближе видны его спутники. Разведчики Вселенной пролетят около них, чтобы увидеть то, чего никто из них никогда не видел. У одной из планет оказалась атмосфера — она вся в белой пелене облаков. Есть, по-видимому, атмосфера и у другой из планет — она покрыта голубоватой дымкой, как вуалью, скрывающей ее лицо.

Трудно разглядеть, что за этой вуалью, — она изменчива. По ней плывут облака. Но вот в просвете мелькнуло что-то ослепительно яркое. Что это? Море, отражающее яркие лучи солнца? Или, быть может, снежные вершины высоких гор?..

Внезапный удар потряс корабль.

Он столкнулся с крошечным осколком какого-то небесного тела. Продолжать полет опасно — корабль поврежден. Решение могло быть только одно: попробовать сделать посадку.

С огромной скоростью корабль врезался в атмосферу планеты.

Он облетал планету — круг за кругом, медленно и постепенно снижаясь. Планета видна была теперь вблизи —

огромная тарелка, прикрытая туманом облаков. Путешественники жадно разглядывали ее — незнакомую, но желанную, как суша в безбрежном океанском просторе. Приборы докладывали, что в атмосфере планеты есть кислород. Путешественники заметили кусочки водной глади. Кислород и вода! Значит, возможна жизнь на этой неведомой планете! На поверхности ее уже стало видно многое.

Корабль облетал планету, постепенно снижаясь.

Под ними проносились острова и горы, моря и снежные шапки у полюсов.
Нужно было садиться.

В прорыве облаков они увидели длинную горную цепь. Дальше — огромные водные пространства, льды и снова вода...

И, наконец, огромный материк с извилистой береговой линией. Здесь садиться нельзя — местность неудобна для посадки. Затем зеленый массив — видимо, леса, потом снова горы...

Вглядываясь в рельефную карту, расстилавшуюся внизу, они увидели за горным хребтом желтое пятно.

Пустыня! Песок! Это отличная посадочная площадка.

Снова леса, море, снега и горы...

Так они обошли планету кругом. Скорость была еще слишком велика, они могли разбиться при спуске.

Нужно было описать еще несколько кругов перед посадкой в этой пустыне и постараться за это время исправить некоторые повреждения. Кое-что сделать удалось, но охлаждающая система корабля переставала работать. Они могли сгореть, если бы продолжали еще кружиться.

И корабль взял курс на пустыню.

Он повернул к поверхности планеты и начал быстро снижаться к желтому пятну, где было спасение.

Нестерпимо душно стало в кабине. Сквозь стенки слышен был гул урагана — от встречного потока воздуха.

Желтое пятно приближалось, но скорость все еще была велика, и корабль перелетел намеченную площадку.

Теперь он летел над лесом, все ближе опускаясь к поверхности планеты.

Скорее садиться!

Но впереди — холмы, не подходящие для посадки. Пролететь дальше до ровной площадки, что видна за холмами, уже не удастся.

Шатаясь, корабль с ревом делает прыжок, еще прыжок, становится вертикально и начинает опускаться. Огненные струи из ракетных двигателей обжигают и валят лес кругом.

Где-то внизу хлестнуло пламя. Пожар...

Еще мгновение — и огненный смерч вырастает над лесом...

Как это было

Астрономы считают Тунгусский метеорит «исключительным». С этим нельзя не согласиться — слишком грандиозны и величественны были явления, которые сопровождали падение этого небесного пришельца.

Яркий свет, споривший по силе с солнечным, взрыв, который вызвал землетрясение — взрывная волна дважды обожала вокруг земного шара, — все это наблюдалось впервые.

Прошло сорок два года с тех пор, как в далекой сибирской тайге закончилось путешествие небесного странника. Шли годы. На месте падения образовалось болото. Обожженные деревья в тайге заросли молодой порослью. Лишь через девятнадцать лет туда добрались люди. Теперь только поваленные деревья, фотоснимки и свидетельства очевидцев восстанавливают то, что произошло почти полвека назад.

Многое сейчас забылось, изгладилось из памяти, как изгладились следы полета невиданной падающей звезды над сибирской тайгой.

Попробуем оживить события, заставим свидетелей — факты говорить и попытаемся объяснить то, что кажется необъяснимым. И тогда, быть может, слово «исключительный» зазвучит для нас по-иному, приобретет другой смысл.

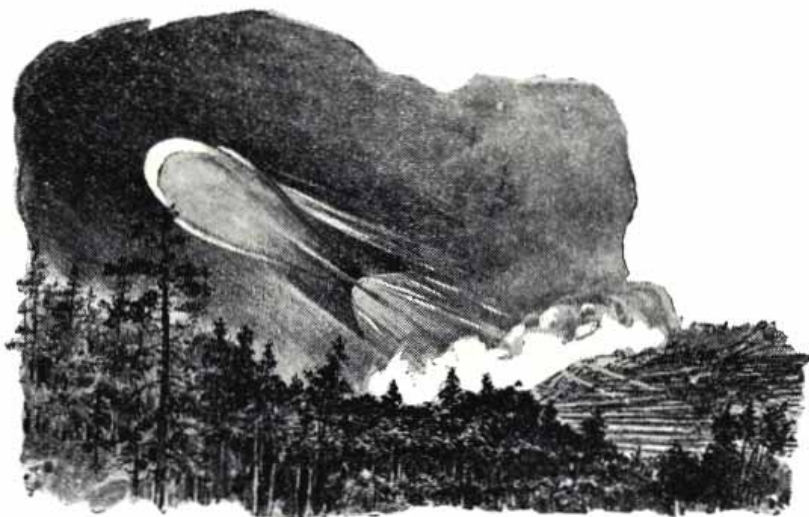
В конце июня 1908 года французский астроном заметил новое маленькое небесное тело, промелькнувшее в поле зрения телескопа. Это тело было неизвестно астроному, который так же хорошо знал «окрестности» нашей планеты, как расположение мебели в своей комнате.

Французский астроном не зашифровал свое открытие в замысловатой криптограмме, как поступил, например, Галилей, открыв кольца Сатурна. В газете была напечатана краткая заметка о его открытии, которая была случайно обнаружена много лет спустя.

Если бы замеченное французским астрономом небесное тело было метеоритом, падение его должно было бы произойти много раньше, чем это оказалось на самом деле.

Тунгусский метеорит был замечен над Сибирью утром 30 июня 1908 года.

Полет его был виден на огромной территории, простирающейся на несколько сотен километров от места падения.

Поворачивая корабль носовой частью кверху, путешественники пустили в ход двигатели.

Очевидцы сообщали, что они слышали громовые удары, напоминающие орудийную стрельбу, и видели проносившееся по небу огромное раскаленное тело. Удары следовали один за другим, затем замолкали и повторялись вновь.

«Эта странная особенность, — пишет об этом метеоритолог Е. Л. Кринов, исследовавший обстоятельства падения «тунгусского дива», — отмечается многими свидетелями, независимо друг от друга».

Некоторые из очевидцев отмечали, что метеорит был очень большой, имел продолговатую или цилиндрическую форму, суживающуюся к одному концу. Позади метеорита оставался огненный след и как бы пыль, которая вилась клубами, а от пламени оставались еще синие полосы. Он летел, полого спускаясь в направлении, как это было определено потом по рассказам очевидцев, с юго-востока на северо-запад. Когда метеорит скрылся из глаз, послышались один за другим три особенно сильных удара, затем гул.

Сейсмографы многих метеорологических станций мира зарегистрировали землетрясение в районе падения Тунгусского метеорита.

Падение метеорита вызвало целый ряд явлений в атмосфере.

На протяжении нескольких ночей, последовавших за 30 июня 1908 года, наблюдались необыкновенно сильное свечение ночного неба и яркие светящиеся облака. Было так светло, что на всем пространстве до берегов Атлантического океана можно было читать и фотографировать. Свечение это мешало астрономическим наблюдениям. Все лето повсеместно отмечались исключительно яркие и продолжительные зори.

С середины июля над западным полушарием было отмечено помутнение земной атмосферы, продолжавшееся в течение полутора месяцев. Ученые считают, что белые ночи и помутнение атмосферы были вызваны распылением массы метеорита.

Однако эти явления сравнительно быстро прекратились, а сила их указывает на большое количество распыленного вещества.

Когда попытались подсчитать хотя бы приблизительно, сколько распыленного вещества должно было находиться в атмосфере, чтобы так нарушить ее прозрачность, получилась невероятная цифра: по крайней мере несколько миллионов тонн!

Такое огромное количество метеорной пыли не могло так быстро рассеяться и не могло остаться незамеченным.

Ведь уже через несколько суток светлые ночи прекратились, тогда как после грандиозного взрыва вулкана Кракатоа в 1883 году, выбросившего в атмосферу огромное количество распыленного вещества, подобные явления наблюдались в течение нескольких месяцев, а прозрачность атмосферы восстановилась лишь через несколько лет.

Как уже было сказано, место падения метеорита было впервые обследовано лишь спустя девятнадцать лет. В 1927 году сотрудник Академии наук Л. А. Кулик добрался до места падения Тунгусского метеорита. В 1928 году на помощь Кулику выехала новая экспедиция. Вот что увидели участники этих экспедиций.

Там, где еще недавно была тайга, лежали голые, обожженные стволы. Вся местность вокруг носила следы ожога, не похожего на следы лесного пожара. Лес вблизи места падения повален «веером».

Такой «веер» поваленного леса, указывающего своими корнями на предполагаемое место падения метеорита, наблюдался впервые. Ни при одном падении метеорита не было такого явления. «Это единственный на земном шаре случай радиального вывала леса», — говорит Е. Л. Кринов.

Вдоль направления, по которому летел метеорит, лес оказался поваленным на протяжении нескольких десятков километров. Деревья здесь все лежат вершинами в одну сторону — на юго-восток. «Веер» же как бы заканчивает гигантскую область поваленного леса.

Удивление наблюдателей вызвали сохранившиеся среди сплошного бурелома значительные участки нетронутого леса.

С таким странным поведением взрывной волны они встретились здесь впервые.

«Создается впечатление, — говорит Е. Л. Кринов, участник нескольких экспедиций Кулика, — что взрывная волна... как бы «выхватывала» отдельные участки леса, где и производила сплошной вывал его или другие разрушения».

В районе предполагаемого места падения наряду с поваленными деревьями сохранились засохшие стволы дере-

вьев, лишенных ветвей. Кулик назвал их «телеграфными столбами». Появление их также остается непонятным.

Вся область поваленного леса вытянута в направлении с юго-востока на северо-запад, совпадающим с направлением полета метеорита перед падением. Предполагаемое место падения, на которое отчетливо указывает «веер» поваленного леса, находится не в центре этой области, как этого следовало бы ожидать, а в ее северо-западном конце. К северу и северо-западу простиралась нетронутая тайга. Это обстоятельство не нашло никакого объяснения.

Кулик обнаружил, кроме того, несколько десятков воронок и думал, что найдет в них осколки метеорита. Но все его раскопки ни к чему не привели: в воронках ничего не было! Специалисты мерзлотоведы объясняют появление воронок действием вечной мерзлоты и процессами торфообразования.

Через год на место падения метеорита снова выехала экспедиция Академии наук. Кулик взял с собой чувствительный магнитный прибор. Ведь залегание под землей большого железного метеорита — это целая магнитная аномалия! Но приборы не обнаружили ничего... Все же Кулик решил продолжать раскопки воронок, надеясь найти там осколки метеорита.

На следующий год выехала третья экспедиция, вооруженная всем необходимым для буровых работ. Их начали в большой воронке, расположенной на торфянике. Снова раскопки оказались безрезультатными.

Так шли люди по следам пришельца из космоса, от которого не осталось ничего: экспедициям, изучавшим место падения метеорита, не удалось найти ни одного, хотя бы маленького осколка...

Такого случая еще никогда не было.

Может быть, метеорит был не железный, а каменный? Но каменные метеориты не бывают крупных размеров, а если бы он все-таки и был «исключительным», то при падении от него отделились бы осколки, как и от железного. Осколками он выдал бы себя. Так было, например, при падении Сихотэ-Алинского метеорита, представлявшего

по существу железный метеоритный дождь. Так было при падении Аризонского метеорита, когда образовался гигантский кратер, в окрестностях которого нашли железные осколки.

Но метеорит, исчезающий бесследно, — это действительно что-то «исключительное»...

Среди ученых нет единого мнения о том, каким был Тунгусский метеорит. Его считают или каменным, или железным. Раньше высказывалась даже мысль, что это могло быть облако плотной космической пыли.

Такова история «тунгусского дива», как назвал Л. А. Кулик знаменитый тунгусский метеорит.

Как это могло быть?

Попробуем теперь отказаться от мысли о метеорите и взглянуть на все эти непонятные факты иначе.

Можно многое объяснить тем, с чего мы начали свой рассказ.

Это был космический корабль. Каков он был, кто были его пассажиры, откуда он попал в нашу солнечную систему, что именно случилось с ним в полете, — мы не знаем.

Космический корабль должен был совершить посадку на Землю.

Земля, к которой межпланетные путешественники — вольно или невольно — прилетели, имеет довольно плотную атмосферу, на ней есть ровные, удобные для приземления площадки.

Им нужно было снизить скорость, чтобы начать безопасный спуск. Иначе они могли бы сгореть в атмосфере.

Описывая эллипсы (близкие к кругам) вокруг Земли, они постепенно снижали скорость, пользуясь сопротивлением атмосферы. Двигатели у них, вероятно, были повреждены в результате какой-то аварии. Только непосредствен-

но перед посадкой им удалось пустить их в ход. Это были ракетные двигатели. Как они были устроены, мы не можем сказать. По-видимому, они работали реакцией (отдачей) какого-то вещества, отбрасываемого с большой скоростью, возможно, продуктов распада материи. В то время, как корабль кружился вокруг Земли, его заметил в телескоп французский астроном. Он не мог его увидеть еще раз, потому что корабль пошел на посадку и траектория полета изменилась.

Видимо, повреждения оказались серьезными, и путешественники решили идти на посадку, хотя скорость была еще велика. Другого выхода у них не было.

Наконец, корабль повернулся вертикально к земле и начал падать, пытаясь затормозить падение работой двигателей.

Видели они Землю с большой высоты, поэтому могли выбрать для посадки только большую, заметную площадку.

Просторы Монголии — ровные, безлесые, как будто нарочно подготовленные для того, чтобы принять космический корабль, привлекли их внимание, когда медлить дальше с посадкой было уже опасно. То, что они попали в тайгу, а не в монгольские степи или пустыни, можно объяснить тем,

Наконец, корабль повернулся вертикально к земле и начал падать, пытаясь затормозить падение работой двигателей.

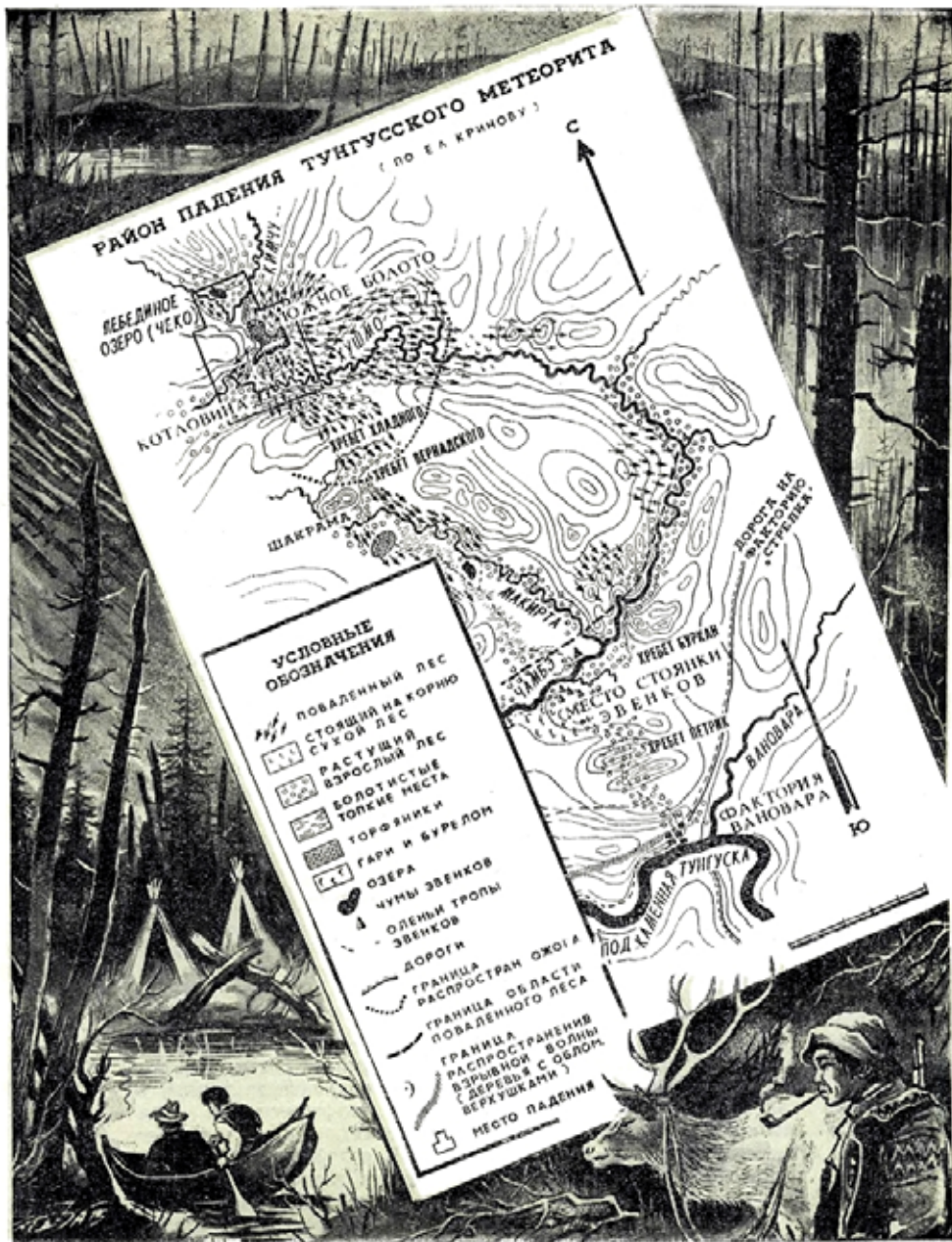
что корабль плохо слушался управления и им не удалось приземлиться в Монголии. Возможно, для благополучной посадки им нужно было сделать еще один или несколько кругов вокруг Земли и только потом начать спуск. Но они должны были торопиться с посадкой — мы не можем сказать, почему. И они рискнули пойти на преждевременную посадку.

При значительной скорости полета корпус корабля раскалился от трения о воздух, как метеор. Они пытались снизить скорость, пуская в ход тормозные двигатели, работавшие с перебоями. Вот почему слышны были прерывистые гулкие удары, которые очень напоминали звуки работы ракетного двигателя.

Между тем корабль, теряя скорость, оказался в районе Подкаменной Тунгуски. Следовало немедленно садиться, но впереди оказались неудобные для посадки места — холмы и реки. Необходимо было перелететь эти места. Поворачивая корабль носовой частью кверху, путешественники пустили в ход двигатели. Струи из двигателей валили вниз лес, который ложился вершинами навстречу полету корабля. Но корабль уже потерял устойчивость и менял положение около своей оси, теряя высоту. Поэтому струи валили лес не одной сплошной аллеей, а «вырывали» отдельные участки. Когда корабль был на сравнительно большой высоте, струи, разбавленные воздухом, только валили, но не обжигали деревья. Перелетев через холмы, путешественники снова запустили двигатели, надеясь впереди найти относительно ровную площадку и «дотянуть» до нее. Струи уже с меньшей высоты не только валили лес, но и обжигали его. Наконец, корабль повернулся вертикально к земле и начал падать, пытаясь затормозить падение работой двигателей. Струи обжигали кроны деревьев.

Все это произошло в течение очень небольшого промежутка времени. Вот почему лес сначала был повален (но не обожжен) в одном направлении, вдоль траектории полета, вершинами в одну сторону. Вот почему лес ближе к месту падения был и обожжен и повален.

РАЙОН ПАДЕНИЯ ТУНГУССКОГО МЕТЕОРИТА (по Е.А. КРИЧОВУ)

Вот почему уцелели стволы отдельных деревьев («телеграфные столбы»). Такую же картину можно увидеть после запуска в лесу больших ракет, когда струи газа из ракетного двигателя направлены отвесно к земле. Эта картина поразительно напоминает то, что мы видим на фотографии места падения «тунгусского дива»...

И тут произошла катастрофа.

Возможно, что перед самым падением взорвались остатки горючего, и корабль был уничтожен. Вот почему на месте падения образовался «веер» поваленного леса. Взрывная волна повалила кругом деревья на месте падения.

Вот почему светилось ночное небо после падения. Продукты взрыва и отброса из двигателей поднялись в верхние слои земной атмосферы, распылились и явились причиной великолепных ночных зорь и светящихся облаков.

Мы не знаем, как был устроен корабль, но можно предположить — и это вполне разумно, — что он был построен из немагнитного сплава, например алюминиевого или магниевого. Поэтому наблюдения с магнитными приборами и не обнаружили ничего на месте падения — ни в самом этом месте, ни в многочисленных кратерах, расположенных поблизости.

Так объясняются факты, которые трудно объяснить только падением гигантского метеорита. Мы не говорим здесь о сейсмических явлениях, сопровождавших непосредственно падение. Они одинаково хорошо объясняются как предположением о том, что это был огромный метеорит, так и о том, что это был космический корабль.

Но все остальное хорошо объясняется только вторым предположением. Ведь удивительно совпадает то, что связано с «исключительным» Тунгусским метеоритом, и то, что действительно могло произойти при посадке на Землю потерпевшего аварию космического корабля!

И нам кажется, что это могло быть.

От редакции

Обстоятельства, сопровождавшие падение тунгусского метеорита 30 июня 1908 года, чрезвычайно интересны. Наука еще не нашла исчерпывающего объяснения их. «Теперь прошло сорок лет с момента падения метеорита. Но приходится признать, что мы далеки еще от полного понимания и раскрытия всей сущности этого выдающегося явления природы», — пишет Е. Л. Кринов.

Мысль о том, что это мог быть не метеорит, а межпланетный корабль с атомным двигателем, была высказана в фантастическом рассказе-гипотезе А. Казанцева «Взрыв» (1946 г.). Там это предположение естественно не было обосновано достаточным фактическим и научным материалом.

Излагаемая в очерке Б. Ляпунова гипотеза является интересным предположением, основанным на фактах, имевших место в действительности.

Комментарии

М. Семенов. Пленники Земли

Впервые – «Молодой ленинец» (1937). Сокращенное переиздание: «Уральский следопыт» (№ 8, 1970). Публикуется по последнему изданию с сохранением редакционного предисловия.

М. Г. Семенов (1914-1986) – журналист, писатель. В юности рыбачил на Волге, затем работал в астраханских и сталинградских областных газетах. После переезда в Москву работал в «Комсомольской правде», в годы Второй мировой войны – в армейских газетах. После войны был ответственным секретарем «Комсомольской правды», позднее работал в «Известиях». С 1958 по 1975 гг. редактировал журнал «Крокодил». Автор ряда детских, сатирических и мемуарных книг: «Год рыболова», «Крокодильские были» и т.д.

«Пленники земли» – единственная фантастическая повесть Семенова. Молодой автор почти на 10 лет опередил А. П. Казанцева, описывая Тунгусский феномен как визит инопланетного космического корабля. Обращает на себя внимание совпадение таких деталей, как принадлежность корабля (Марс) и совершенное сходство обитателей Марса с жителями Земли.

А. Казанцев. Взрыв

Впервые – «Вокруг света» (№ 1, 1946). Публикуется по этому изданию с исправлением явных опечаток и устаревших особенностей правописания.

А. П. Казанцев (1906-2002) – известнейший советский писатель-фантаст, изобретатель, шахматный композитор. Уроженец Акмолинска. Окончил Томский технологический институт, работал инженером-механиком на Белорецком металлургическом заводе, затем во Всесоюзном НИИ электромеханики. В 1939 г. – главный инженер промышленного отдела советского павильона на Всемир-

ной выставке в Нью-Йорке. Во время Второй мировой прошел путь от рядового до полковника, изобрел управляемую по проводам танкетку. В конце войны – уполномоченный Государственного комитета обороны, занимался демонтажом и переправкой в СССР австрийских заводов.

Дебютировал в фантастике в 1936 г. сценарием НФ-фильма «Аре-нида» (совместно с И. Шапиро) и романом «Пылающий остров» (1940-1941). Впоследствии выступил автором многочисленных романов («Арктический мост», «Внуки Марса», «Фаэты», «Донкихоты Вселенной», «Звезда Нострадамуса» и пр.), рассказов и эссе. Убежденный сторонник коммунистической идеологии, Казанцев сыграл двойственную роль в истории советской фантастики – если в свое время он выступал против гегемонии фантастических произведений «ближнего прицела», за фантастику космическую и утопическую, то впоследствии завоевал славу ретрограда (в том числе как один из рецензентов НФ в Роскомиздате) и одного из столпов пресловутой «молодогвардейской» школы фантастики.

Приверженность Казанцева всевозможным паранаучным гипотезам и концепциям (палеоконтакт, уфология) неоднократно порождала острые споры; его взгляды критиковались многими учеными, но находили широкий отклик в читательской среде. Не стал исключением и рассказ «Взрыв», вызвавший к жизни целую волну НФ-произведений о Тунгусском метеорите (к ним относятся не только рассказы и повести советских авторов, но и первый НФ-роман Ст. Лема «Астронавты») и пробудивший большой интерес к загадке Подкаменной Тунгуски. Рассказ лег в основу лекции-инсценировки «Загадка Тунгусского метеорита», которая шла в Московском планетарии в 1948-1951 г.; наряду с Казанцевым ее инициатором выступил заместитель директора планетария, астроном и популяризатор науки, будущий уфолог Ф. Ю. Зигель. Весной 1951 г. Казанцев опубликовал рассказ «Гость из космоса», где несколько скорректировал свою гипотезу: теперь в тунгусском «корабле» находились марсианские исследователи Венеры. После уничижительной критики гипотезы Казанцева со стороны ряда ученых в прессе и на метеоритной конференции в Москве лекция-инсценировка была исключена из программы планетария. Тем не менее, Казанцев впоследствии неоднократно возвращался к теме тунгусской загадки, ставшей его своеобразной «визитной карточкой» (особо следует отметить очерк «Тунгусская катастрофа: 60 лет загадок и споров», 1968); многие самостоятельные исследователи тунгусского феномена считали и считают писателя своим вдохновителем.

Б. Ляпунов. Из глубины Вселенной

Впервые – «Знание – сила» (№ 10, 1950). Публикуется по этому изданию с сохранением издательского послесловия. Обложка данного номера, иллюстрирующая рассказ Б. Ляпунова, использована нами в оформлении обложки книги.

Б. В. Ляпунов (1921-1972) – советский писатель-фантаст, популяризатор науки, библиограф. Уроженец Вятки, выпускник Московского авиационного института. Регулярно публиковался в журналах «Знание – сила», «Техника – молодежи», «Юный техник», «Искатель» и др. Выступал как популяризатор ракетоплавания, космонавтики, океанологии и пр., сценарист («Дорога к звездам» П. Клушанцева, 1957), выпустил около трех десятков книг. Наиболее известен как обозреватель, критик и библиограф научной фантастики, первый биограф А. Беляева и автор обзора научно-фантастической литературы «В мире мечты» (1970).

Рассказ «Из глубины Вселенной» был опубликован в разгар полемики вокруг «Взрыва» А. Казанцева. Любопытно, что редакция журнала «Знание – сила» в послесловии к публикации сочла рассказ Казанцева недостаточно обоснованным с научной и фактологической точек зрения, в то время как рассказ Ляпунова был представлен в качестве «интересного предположения», основанного на «имевших место в действительности» фактах. Это не помогло: 4 августа 1951 г. в «Литературной газете» появилась разгромная статья академика-астронома В. Г. Фесенко (главы комитета по метеоритам АН СССР) и специалиста по метеоритам Е. Л. Кринова (участника тунгусской экспедиции Л. А. Кулика 1929 г.), где оба произведения были названы «фантастическими измышлениями». «У советских ученых, работающих в области метеоритики, выдумки Б. Ляпунова и А. Казанцева вызывают возмущение. Под видом научно обоснованных объяснений авторы статей распространяют хаотичность. По меньшей мере, вызывает удивление также то обстоятельство, что редакции журналов “Знание – сила” и “Техника – молодежи” публикуют эти выдумки и вводят в заблуждение своих читателей» – писали Фесенко и Кринов. «Мы не против фантастики. Она нужна и полезна. Мы против научно необоснованной фантастики, такой, которая вносит путаницу в представления читателей».

Оглавление

М. Семенов. Пленники Земли	7
А. Казанцев. Взрыв	47
Б. Ляпунов. Из глубины Вселенной	76
Комментарии	91

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.